

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

РАЗРЫВ
НЕБЕСНОГО
ШАБЛОНА



Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Разрыв небесного шаблона

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гармаш-Роффе Т. В.

Разрыв небесного шаблона / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2021 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

ISBN 978-5-04-119352-2

Бизнесмен Андрей Саблин жениться не собирался: не видел в семейной жизни никакого смысла. Но однажды его осенило: надо найти жену в среде деловых, успешных женщин, и тогда брак будет приятным и необременительным. Саблин решил знакомиться с бизнес-леди через их персональных секретарш, дабы встреча выглядела естественно-случайной. Однако на этом пути его поджидали две неожиданности. Первая накатила, едва не лишив дыхания: он влюбился. Он, убежденный, что любовь – лишь поэтический вымысел! Второй неожиданностью стал его арест: Андрея обвинили в похищении и убийстве одной из персональных секретарш. Спасибо частному детективу Алексею Кисанову – тот сумел доказать алиби Саблина. Но неприятности Андрея на этом, увы, не закончились. Едва он порадовался возможности провести вечер с любимой женщиной, как преступники похитили его самого. И даже Алексей Кисанов не знает, где теперь искать Саблина. Да и успеют ли найти его живым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119352-2

© Гармаш-Роффе Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе

Разрыв небесного шаблона

© Гармаш-Роффе Т.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

фотографии на обложке: © Reviaka Ina, Kiselev Andrey Valerevich, Michal Sanca, Pavlo Baliukh / Shutterstock.com

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

И. Ф. Анненский

Часть 1

Детективное агентство «АКис»

Суббота, 21 марта

– Агентство «Акис»? Здравствуйте. Я хотел бы поговорить с господином Кисановым, – проговорил в трубку приятный баритон.

– Боюсь, сегодня это невозможно, – ответил Игорь Крымов, ассистент детектива. – Он болен.

– А никак нельзя... Понимаете, у меня к вам дело очень срочное. Меня подозревают в похищении и убийстве...

– А вы...

– Я не делал ни того, ни другого!

Игорь вздохнул. Такие расследования они с шефом любили – сложные, витиеватые, головоломные. Ведь ясно же: раз подозревают – значит, есть какие-то улики. Однако человек на свободе – значит, улики пока не ахти какие. И надо срочно найти, как их опровергнуть, пока будущего клиента не посадили. Пропустить подобную головоломку было бы жалко.

– Подождите у телефона, пожалуйста.

Алексей Андреевич Кисанов, частный детектив, мучился от дичайшей головной боли. Ничего подобного он никогда не испытывал и сейчас был изумлен, сражен, повержен. Кажется, голова забродила, как переспелый арбуз, и грозила взорваться, забрызгав все вокруг рыхлой красной мякотью. Алексей лежал на кровати в спальне своей старой квартиры-офиса на Смоленке, боясь пошевелиться, дабы не усугубить страдание. Откуда она взялась, эта свирепая боль, он не понимал. Смена климата? Только вчера утром он с Александрой и детишками вернулся с юга Испании, где к середине марта уже почти началось лето. Загорели, даже поплавали в еще холодном море, двойняшки резвились в детском теплом бассейне. Нагулялись, наелись разных морских гадов в маленьких прибрежных ресторанчиках (сын Кириушка к концу отпуска заявил, что он *прорыбился* на всю жизнь). В общем, отдых был изумительным. Ничто, как говорится, не предвещало. И вот нате вам, сегодня с утра Алексея распластала эта пытка. Голову, казалось, зажали в тиски и сжимали, сжимали... Он еле добрался до рабочего кабинета на Смоленке, хотя лучше бы остался дома: все равно заниматься делами был не в состоянии. Ни аналгин не помог, ни еще какая-то таблетка, которую дала жена. Странно, от перемены климата Алексей никогда не страдал. Может, магнитная буря? Или начало какой-нибудь гнусной болезни? Коронавирус, по сообщению испанских СМИ, обнаружился в Мадриде, но они-то проводили отпуск на юге, возле Аликанте... Хотя банальный грипп пока еще никто не отменил, а вчера в самолете мужик, что сидел за Алексеем, безостановочно кашлял... Как бы вся семья не заболела!

В комнату поскребся Игорь, помощник.

– Кис, жив еще?

Это прозвище – Кис – прилепилось к Алексею давно, с юных лет, и старые друзья звали его так, не задумываясь. Однако новым знакомым подобная привилегия не выдавалась автоматически. Ее нужно было заслужить. И Игорь за годы работы с детективом заслужил.

– Надеюсь, что да... – проскрипел Алексей. – Поскольку, если я умер, то явно попал в ад.

– Слушай, тут дело интересное наклеывается. Жалко отказываться.

– Так бери. Ты большой мальчуган, сам начинай.

– Точно?

– Или ты, или никто. Я в бессрочной командировке в аду.

Игорь вернулся к телефону и предложил клиенту незамедлительно приехать на Смоленскую.

Андрей Саблин

– Я вообще не представляю, как это могло случиться, – говорил мужчина, сидящий напротив Игоря. – Мы с Варей знакомы относительно недавно. И просто общались, по-дружески, никаких намеков на любовные дела. Или на секс. И вдруг меня обвиняют в ее похищении и убийстве! А я даже не знал, что она пропала!

– Хотелось бы услышать все по порядку, Андрей Андреевич, – произнес Игорь, восседавший на месте шефа за старинным письменным столом с широкой инкрустированной столешницей.

– Да зовите меня по имени, без церемоний.

– Хорошо, Андрей. Расскажите, как вы с Варей познакомились, когда, на какой почве подружились...

На какой почве... О, это целая история. И началась она вовсе не с Вари.

Середина января

Все закрутилось вскоре после Нового года, когда Лизка показала ему свою статью.

Впрочем, сначала Лизка позвонила. Андрей как раз принимал ванну. Любил он расслабиться вечером в джакузи с бокалом красного вина. И вот, нежился он себе, как вдруг зазвонил телефон.

Андрей положил книгу на широкий мраморный бортик, допил остаток бургундского – любимого «Пино нуар» – и поднялся из воды. Накинув полотенце на плечи, спустился по невысоким ступеням и, оставляя мокрые следы на зеленом мраморе, подошел к трезвонящему мобильному. Без четверти двенадцать ночи. В такое время могли звонить только самые близкие друзья. Ни родственники, ни коллеги никогда бы не позволили себе побеспокоить Андрея Андреевича Саблина столь поздно, даже если все знали, что он еще не спит.

Так и есть: Лизка Семина. Подруга. Ее хрипловатый, сексапильный голос до сих пор немного волновал его, хотя их короткие отношения закончились давно и по обоюдному – весьма разумному – согласию. Однако сейчас Андрей услышал хоть и знакомо хриплый, но совсем не сексуальный рев.

– Чего стряслось-то? – поинтересовался он.

Послушав некоторое время слезное бормотание Лизки, явно слегка пьяной, Андрей счел более разумным пообщаться с подругой напрямую, тем более что жила она не очень далеко. От Большой Грузинской до 1-го Боткинского проезда минут десять на машине, когда пробок нет. А какие пробки в полночь?

Андрей быстро вытерся, оделся, вышел из дома и сел в машину. Включив радио Lounge FM с легкой фоновой музыкой, он с наслаждением прокатился по ночным улицам, знакомым с детства. Свободные от дневной суеты, от скопления машин и толчеи прохожих, они казались меньше и уютнее, роднее.

– Все, хорош, кончай реветь, – войдя в квартиру Лизы, скомандовал Андрей и вынул из пакета бутылку красного бордо.

Лизка любила французское вино, любое, как бы оно ни называлось. Она приняла бутылку и, пристроив ее на груди – или, точнее, между грудями, в самом прямом смысле, поскольку полы ее халата, небрежно завязанного, расходились сверху и снизу, лифчик же Лизка принципиально не носила, – отправилась на кухню.

Саблин проследил за Лизкой взглядом, в очередной раз восхищаясь ее великолепным узким телом, где все было в то же время округло. Такой оксюморон: пышная тонкая девушка. Осиная талия, попа отличной формы, грудь четвертого размера (неудивительно, что не стоит, тяжесть, согласно закону притяжения, стремится к земле) – носила бы Лизка лифчик, какой-нибудь пуш-ап, была б секс-бомбой.

– Ты зайчик, Андрюшка, знаешь, как меня утешить, – проговорила она, шмыгая носом, и достала из ящика штопор.

На столе стояла бутылка ирландского ликера «Бейлиз» и стакан, на четверть наполненный этой молочно-кофейного цвета жидкостью. Лиза убрала «Бейлиз» в шкаф, а содержимое стакана выплеснула в раковину.

– Гадость, – прокомментировала она, ополаскивая стакан.

– Так зачем пьешь?

– А кто ж мне французское вино принесет-то! Разве только ты, – и она чмокнула Андрея в щеку, неприятно коснувшись его кожи мокрым носом.

Андрей откупорил бутылку, велел подруге вытереть сопливый нос, разлил вино по бокалам, и они, наконец, уселись на маленькой кухне.

– Ты бы сиськи прикрыла, – посоветовал Андрей.

– А че, тебя возбуждает, что ли? – удивилась та.

Грудь у нее была хоть и большая, но плосковатая, однако Лизка этого совершенно не стеснялась.

– Просто отвлекает, – не стал вдаваться в подробности Саблин.

На самом деле, он бы предпочел, чтобы Лизка не была халдой и одевалась попримичнее. Сам Андрей всегда следил за тем, как выглядит: любил нравиться. И безразличия к этому аспекту бытия не одобрял. Живем ведь среди людей, и, если хочешь, чтоб они тебя любили (помогали, оказывали любезности и прочее), то уж изволь напрячься – озаботься своим внешним видом и манерами. А не хочешь – потом не жалуйся на отсутствие благожелателей.

– Я потрясающую тему нашла, Андрюшка, дивную! – Лизка послушно (лучше сказать – безразлично) стянула на груди полы старого халата вишневого цвета. Андрей подумал: цвет удачный, будь он посветлее, на нем бы наверняка обнаружилась куча пятен от всего, что Лизка пила и ела. Уж такой она была неряхой, подруга его. – А они, жлобы, мне статью зарубили!

Елизавета Семина как журналистка специализировалась на темах не то чтоб «жареных», но любила найти материалец малоизвестный, необычный, при этом с замашкой на проблемность. И, конечно, такой, который заинтересует широкую аудиторию, – ведь именно широта охвата аудитории обеспечивает высоту цифр журнальных тиражей.

Андрей и Лиза чокнулись, выпили. Елизавета, наконец, перестала реветь, протерла очки, напялила их на переносицу (отчего ее большие и слегка выпуклые глаза сразу зрительно уменьшились) и принялась вполне внятно рассказывать. На этот раз, как выяснилось, она нарыла тему о персональных секретарях богатых людей.

– И что тут особенного? – спросил Андрей.

– Это не просто секретарь, а *персональный*, понимаешь?

– Не-а. Вот у меня есть секретарша персональная и чего?

– Что она для тебя делает?

– Ну как, обычную работу: на звонки отвечает или по моим поручениям звонит, документы подшивает, если бумажные, в компьютере тоже их классифицирует, ну еще иногда...

– Саблин, ты что, никогда о персональных секретарях не слышал? Или ассистентах, их еще так называют.

– Слышал, конечно. Говорю же, у меня у самого такая есть.

– Угу. А она за твоими вещами в химчистку ездит?

– Нет, – удивился Саблин.

– А проверяет, чего не хватает в твоём холодильнике?

– Нет, – пуще прежнего удивился он.

– А маме твоей звонит, когда тебе некогда?

– Да это не её работа!

– Правильно. Потому что у тебя самая обычная секретарша. А персональный секретарь – это не для работы, а для жизни.

– Тогда это домработница! – фыркнул Саблин.

– Андрюха, не тупи. Персональный секретарь не готовит еду, не моет полы, – это человек, решающий исключительно твои *личные* проблемы. Помнишь фильм «Дьявол носит „Прада“»? Ну вот, это примерно как та бедная девочка, которая моталась по поручениям дьяволицы.

– Не понимаю, кому такое нужно? – пожал плечами Саблин.

– Андрюш, ну представь: ты собираешься на важную встречу. И вдруг кто-то нечаянно опрокидывает кофе на твой костюм. Пятна на пиджаке, на брюках, на рубашке, даже на трусах. Ну, трусы ладно, можешь и в мокром походить. Но остальное! К счастью, у тебя есть персональный секретарь. Допустим, энергичная и толковая женщина. Ты звонишь ей. У неё есть ключи от твоего дома, она знает весь твой гардероб, она отлично водит машину. И вот она летит к тебе на хату, подбирает новый прикид и привозит тебе как раз перед началом важной встречи. Ты успеваешь переодеться и выглядишь безукоризненно.

– А, ну в таком раскладе, конечно, было бы кстати... – кивнул Андрей. – Но ключи от дома? Нужно очень доверять человеку. К тому он же код от сигнализации будет знать. Вдруг ограбит и смоеется?

– Именно поэтому таким людям очень хорошо платят. У них не возникает желания разово пожить, потому что в таком случае они потеряют куда больше и навсегда: репутацию. И работу персонального секретаря уже никогда ни у кого не получают. Одна из девчонок сказала мне, что знает все тайники, в которых хозяйка прячет деньги и драгоценности. Но она никогда ни одной цапки не возьмет. Они с хозяйкой составили опись всех украшений с фотографиями. Аналогичный список есть у страховой компании, на случай ограбления.

– Умные держат брюлики в сейфах в банке.

– Да, но если менять их утром, днем и вечером, то в банк не набегаешься.

– Тоже верно... – согласился Андрей и спросил: – А чего ты ревешь? Что там такого, в этом материале? Почему на статью наложили табу?

– Да вот же ж... – всхлинула Лизка. – Я многих богатеев обошла, с их секретаршами и секретарями поговорила. Кстати, почти все они молодые женщины, парни в этой должности редко попадаются, хотя парочку я все же встретила. Персеки мне рассказали такие занятные примерчики из повседневной жизни...

– Кто-кто? – переспросил Андрей.

– Ну, я сократила: персек, персональный секретарь. А то замаешься, пока выговоришь.

– Ленива ты, мать.

– Кто б говорил! – хмыкнула Лиза. – За тобой по этой части не угонишься.

– Сочтемся славою, – усмехнулся Андрей, который и впрямь славился в кругу друзей своей ленью. – Так что за примерчики?

– Персеки очень много знают о своих хозяевах, об их личной, а то и интимной жизни. К врачам записывают их на прием – значит, в курсе, у кого-чего-где болит, или там насчет

подтяжек и липосакции. К тому же они с рецептами по аптекам бегают, а это уточняет название недуга, как ты понимаешь.

– Нет, не понял. Каким образом?

– Смотри: отправилась, к примеру, персек в аптеку с хозяйкиным рецептом за мазью. А мазь противогрибковая. Значит, у хозяйки где-то грибной урожай вырос, – хохотнула Лизка. – А кому-то виагру, допустим, покупает: ну ясно же, где у хозяина болит!

– Мда, – опешил Андрей. – Информация и впрямь чувствительная. Этим секретуткам хозяева должны...

– Не секретуткам, а персекам, – наставительно проговорила Лиза.

– Ну, персекам, какая разница, – отмахнулся Андрей. – Им хозяева должны действительно очень доверять.

– Само собой, – кивнула Лиза. – Они не только об их болезнях знают, но и об интимной жизни. Через них нередко назначаются свидания с любовниками и любовницами. Персеки подарочки им отправляют, цветочки там, рестораны заказывают, встречи в спа-салонах организывают и прочие плотские радости. Алиби для супругов, случается, подтверждают: мол, да, точно, мы с хозяйкой по бутикам рассекали. А на самом деле хозяйка в то время предавалась любовным утехам на стороне... Но, Андрюш, я же не сумасшедшая, я об этом в статье не писала! Даже не намекала!

– А в чем тогда дело?

– Только представь: одна тетка, из богатых хозяек, с самого начала поставила условие, чтобы перед публикацией материал ей дали на подпись. Ну я, нисколько не сомневаясь, что у меня все в порядке, ей отправила. А она прочитала и заявила: оказывается, я разглашаю факты ее частной жизни. Андрюх, ты никогда не догадаешься почему!

– Так уж скажи, не томи.

– Прикинь: я написала, как некая персональная секретарша заказала хозяйке пиццу! Эту инфу, оказывается, разглашать нельзя – тетя якобы пиццу не жрет. Исключительно салатиками питается. При том что в статье были указаны только инициалы, Андрюх! Какая-то там бэмэ любит пиццу, ну и что??? Кто догадается, что речь идет именно о той самой тетке? Хуже того, эта кикимора выступила от имени всех своих друзей. Они, гады богатые, все друг друга знают. И мадам подсуетилась, чуть ли не всю гильдию подняла! Многие из тех, у кого я брала интервью, затребовали статью на визирование, прочитали и единодушно запретили публиковать. Один дядька даже приперся лично в редакцию и учинил разгром: в статье сказано, что поздравления его родителям пишет персональный секретарь. А у него папаня держит в руках весь капитал, сыну бы такого неуважения не простил. Но я ведь его тоже не называла, Андрюш! Какой-то пэ-эр, подумаешь! – Лиза всхлипнула и глотнула вина. – В общем, у меня бан полный. Я предложила убрать даже инициалы, но главред все равно статью зарезал. А я столько материала насобирала, Андрюха! Да какого! Пальчики оближешь!

– Дашь почитать? – заинтересованно спросил Саблин.

– Ой, с удовольствием! Хоть ты заценишь! Я такую работу проделала! Титаническую! В статью не все вошло, уже объем не позволял. Ну еще я некоторые моменты сама цензурировала, почуяла, что перебор. А теперь ни статьи не будет, ни гонорара... Хотя, если бы главный редактор осмелился опубликовать мою статью, тираж бы разлетелся – и еще бы допечатавали! Но он, сука, под богатеньких подстелился...

Лизка снова заревела. Андрей притянул ее к своему плечу и принялся гладить по голове, пока подруга не успокоилась. Гладил машинально, в то время как мозг его интенсивно работал. Кажется, его осенила отличная идея, навеянная Лизкиным рассказом...

– Кончай реветь, – наконец проговорил он. – Сделаем так: ты мне давай статью и все рабочие материалы, а я подумаю, куда ее пристроить. Да за хорошие деньги. Инициалы придется, конечно, убрать, тогда уж точно никто не сможет предъявить тебе претензии. Возможно,

даже не вошедший материал получится в статью добавить. Короче, надо посмотреть, поосображать.

– Ох, Андрюшка, у тебя всегда находятся приятели, к которым можно обратиться даже в самых безнадежных случаях, – шмыгнула носом Лизка. – Прям завидно.

– Это несложно, подруга. Одевайся поприличнее и улыбайся почаще. Когда люди чувствуют, что ты хочешь им нравиться – внешним видом, одеждой, манерами, – они воспринимают это как уважение к себе. А когда ходит халда вроде тебя – кроссовки раздолбанные, на башке гнездо, сиськи болтаются, – то люди понимают: и они, и их мнение тебе по барабану. Ты пофигистка. И кому ты такая интересна? А ведь ты красотка, привела бы себя в порядок и тогда могла бы половину мужского населения иметь у своих ног.

– Ты ужасно умный, Андрюшка, – Лизка поцеловала его в холеную щеку, на которой к ночи проступила щетина, снова запахла халат и поднялась. – Сейчас принесу, подожди.

Андрей усмехнулся: разумеется, его советы Лизке на фиг не нужны. Ей и так хорошо.

– И все рабочие записи! – крикнул он подруге вдогонку.

Не то чтоб Андрей не был человеком добрым и отзывчивым – был, хоть и в разумных пределах. И Лизке действительно хотел помочь. Но повышенный интерес к собранным подругой материалам пробудили в нем слова об алиби, которые личные секретари обеспечивают своим хозяевам. Потому что его бизнес как раз и заключался в создании алиби.

Андрюша Саблин был хорош собой, удачлив и сказочно ленив. Во всяком случае, так считали все. В школе учительница литературы говорила, обращаясь к классу: «Если вам трудно представить себе Обломова, посмотрите на Саблина: ленивей человека я не встречала!»

Сам Андрей никогда не пытался оспорить эту характеристику, но в душе отнюдь не считал себя ленивым. Дело было в другом: он не выносил обязательку, презирал все скучное и унылое и отлынивал от того, что ему не было интересно. Тем не менее по основным предметам учился Саблин хорошо, причем не напрягаясь, играючи. Обаяние, улыбочивость и недюжинные способности выручали его с детства. Учителя Андрюшу обожали, а директриса школы называла «нашим солнечным мальчиком».

Позже он так же играючи создал фирму, которая быстро начала приносить приличный доход, а несколько лет спустя разрослась в небольшую сеть и сделала его миллионером. Фирма называлась скромно и непонятно: «В ваших интересах», а являлась, на самом деле, агентством услуг по созданию алиби на разные житейские случаи.

Андрей не стал давать ей кричащее название «Алиби», как некоторые его конкуренты. Ведь обращаясь в такое агентство за помощью, человек вовсе не хочет, чтоб об этом узнали знакомые. Более того, иные даже не желают, чтобы самому агентству стало известно его имя. Правда, анонимность стоит дороже: клиенту приходится платить весь гонорар вперед. Но люди идут и на это, лишь бы убедительно наврать близким. Хотя иные услуги обязывают прописать имя – например, для предоставления в качестве алиби билетов на транспорт, – ну, тогда уж деваться некуда, клиенту приходится раскрываться. А так все переговоры идут по телефону или анонимной электронной почтой. Поэтому Андрей и назвал свою фирму столь туманно: «В ваших интересах». Попадись нечаянно его визитка, скажем, супругу, которому изменяет жена – клиентка фирмы Андрея, та всегда может соврать, что под названием скрывается адвокатская контора или финансовое учреждение.

Фирма Саблина предоставляла алиби всем, кто в нем нуждается. Первенство в хит-параде занимали, конечно, неверные супруги. Муж, к примеру, с полюбовницей на тепленькие Мальдивы рванул, а жене про командировку в холодную Швецию наплел. И билет у него есть, и счет из отеля, и звонки жене/от жены на шведском роуминге, – все это фирма Саблина предоставляет. Или такая ситуация: супруга с полюбовником предавалась альковным утехам, а мужу наплела про ужин с важными клиентами, и счет у нее из ресторана на группу товарищей

имеется оплаченный из бюджета на представительские расходы ее фирмы. Так что ни к чему не придерешься.

Моральный аспект содействия супружеской неверности Саблина не тревожил. Раз пара докатилась до жизни такой – значит, брак их давно дал трещину. Причины у каждого свои, но виноваты, как водится, оба, раз допустили подобное. Измены лишь следствие. Как насморк следствие вирусного заболевания. Фирма же Саблина, метафорически говоря, лишь носовые платочки заболевшим подает, чтоб пристойно сопли скрыть. Ни хорошо, ни плохо – просто работа такая.

В фирму его, однако, не только неверные супруги обращались, но и прочие граждане по разным другим надобностям. Захотел, допустим, человек в Сочи на лыжах покататься, вместо того чтобы сидеть в душном рабочем кабинете, – и вот, пожалуйста! Следуя разработанному агентством Саблина сценарию, человек вдруг хватается за грудь, начинает задыхаться и под взглядами исполошившихся коллег вызывает «Скорую». Однако «Скорая» приезжает не какая-нибудь, а из Андрюшиной фирмы. Врач, носилки, машина – все настоящее. За особую плату. Человека увозят (якобы в больницу), а тот спокойно улетает на недельку в горы. Все телефоны, на которые звонят его коллеги (а то и начальство), с помощью сотрудников фирмы и одной хитрой программы переадресации звонков отвечают по делу. Хоть от имени больницы, хоть от имени врача. А посещения, граждане, увы, не рекомендуются: больному прописан покой.

Все шло прекрасно. Андрею нравилась его бизнес-затея. Это было похоже на игру, забавно и прикольно, а усилий почти не требовалось, – лишь в самом начале, чтобы отладить механизм, завязать нужные знакомства и укрепить связи. С его солнечным обаянием это оказалось несложно. А дальше все покатило само. Персонал выучился, усвоил кто, в каком случае и чем поможет за обговоренное вознаграждение, и сотрудники агентства обращались на автомате к соответствующим людям. За несколько лет Андрей открыл уже шесть филиалов агентства в разных городах России, и его доходы неуклонно росли: услуги по созданию алиби стоили дорого.

Андрей был доволен: бизнес легкий и веселый, при этом прибыльный; жизнь, как он и мечтал, приятна и беспечна. Его уважали как успешного бизнесмена, он вращался в кругу таких же успешных, с удовольствием посещал различные тусовки. Он любил нравиться людям – всем без разбору, мужчинам и женщинам, – и он нравился. А это способствовало процветанию бизнеса.

Однако, как в любом бизнесе, следовало постоянно обновлять клиентуру. И Лизкина история про персональных секретарей подсказала ему, где такую клиентуру нарыть: среди тех, кто по долгу службы вынужден создавать алиби своим хозяевам. То есть в среде персональных секретарей. Как их там Лизка назвала? Персики? Нет, персеки, кажется. Они будут рады предложить хозяевам изобретательные и надежные решения. Клиентура количественно небольшая, зато денежно качественная. Этот народец готов заплатить любую цену за алиби. Особенно в столь деликатной сфере, как супружеская неверность. Браки по расчету – как бы там бомонд ни разорвался в интервью о своей неземной супружеской любви – неизбежно приводят к изменам. (Впрочем, верности не гарантируют и браки по любви.) И услуги фирмы Андрея очень и очень им пригодятся. Оставалось только найти нуждающихся в его услугах господ. Но это труда не составит: благо в Лизкиных черновиках все имена названы.

Вернувшись домой, Саблин обнаружил в своей постели женское тело. Каштановые кудри премиленько рассыпались по подушке: Настена спала, зажав одеяло между колен, отчего ее круглые гладкие ягодицы обнажились. Однако возбуждения Андрей не испытал. Напротив, обычно снисходительно относившийся к внезапным игривым визитам своих подружек, он вдруг рассердился. Ни в одну из них он не был влюблен, и они это знали. Андрей никого не обманывал, ложных надежд не подавал. И никаких прав на себя, соответственно, тоже. Обычно

девушки принимали такой тип отношений. Однако Настя, которой он доверил ключи от квартиры, – исключительно ради удобства, ничего символического в этом жесте не имелось, и Саблин не преминул ей это объяснить! – принялась себя вести по-хозяйски. Уже не первый раз она заявлялась глубокой ночью и набрасывалась на спящего Андрея с бурными ласками. Ее ничуть не заботило, что он подсакивал от неожиданности, грубо вырванный из сна, – Настена желала секса, и она его получала.

На этот раз она Андрея дома не застала и разлеглась на его постели так, что тому и места не осталось. Это было чересчур. Будь Настена ему хоть женой, и то Андрей подобного эгоистично-потребительского отношения к себе не допустил бы. А Настена была ему никем.

Он набрал номер знакомого таксиста, попросил срочно подъехать. Затем разбудил Настену и, сопроводив ласковым поцелуем фразу: «Больше мне не звони, никогда!» – отобрал у нее ключи. Выдворил девушку из подъезда и, не слушая оправданий, усадил в подкатившее такси.

Избавившись от непрошеной гостьи, Саблин рухнул на кровать, еще хранившую тепло Настиного тела и запах ее духов, что он отметил с неудовольствием, однако менять белье среди ночи поленился. Быстро просмотрев Лизкины листки, он отложил их на прикроватную тумбочку: изучит завтра. Информация весьма ценная для бизнеса, однако сейчас пора спать. Сном своим Андрей дорожил и старался оберегать восемь часов необходимого отдыха от разного рода дел и посторонних мыслей. Дела подождут, пока он выспится, съест свой завтрак из овсянки, вареного яйца (никаких яичниц на масле и уж тем более сосисок или беконов!) и кусочка сыра, запив его горячим шоколадом с миндальным молоком. Лишь после всего этого он будет готов приступать к делам. И, к слову, всё всегда получалось отлично. Выспавшийся, на свежую голову, Саблин был полон идей и энергии, благодушен и эффективен.

Он уже начал засыпать, как вдруг мягкий туман дремы взорвала яркая вспышка мысли. Андрей резко сел на кровати. С ним крайне редко случалось подобное, обычно дремота беспрепятственно обволакивала его, заворачивала в свой кокон и ласково увлекала в глубокий, безмятежный сон. Но сейчас мысль пронзила мозг, словно в его глубине тайно шла работа. Так магма, тихо бурлящая под земной корой, вдруг однажды фонтанирует вверх, вырываясь наружу через жерло вулкана.

Андрюша мгновенно выпростался из объятий Морфея. Включил ночник. На часах было около шести утра, рань несусветная, но это не имело никакого значения: он отоспит свои восемь часов, а на работу пойдет во второй половине дня. А то и вовсе не пойдет, если ничего срочного не случится, ведь он в своей фирме хозяин-барин.

Мысль была обжигающе-свежей: жениться! А точнее, жениться на одной из этих богатых женщин.

В принципе, давно пора, друзья и родители уж который год плешь ему проедают. Но Андрей Саблин до сих пор видел себя исключительно в качестве предмета вожделения женского пола: хорош собой, в постели хоть куда, состоятелен. Относительно, конечно, но все познается в сравнении, а большинству окружающих девушек сравнивать его состоятельность было не с чем. Или не с кем. Ведь миллионеры с миллиардерами не на каждом шагу встречаются. Так что Андрей Саблин в их глазах был лакомым кусочком – холостым красавцем и миллионером, – и вокруг него всегда роилось множество девиц, а он только и делал, что уворачивался от них. Не от всех, разумеется, – женщин Андрей любил, со многими дружил, – а от тех, кто пытался его захомутать. Жениться в обозримом будущем он не собирался – в свои тридцать восемь ощущал себя пацаном, у которого все впереди. Вот только когда (и если) он захочет детей... А пока незачем. Какой смысл, спрашивается, выбирать одну и жить с ней постоянно? Чем она лучше других? По большому счету, схема всегда одна: женщине нужна семья, дети и муж, который много зарабатывает, но при этом удивительным образом ухитря-

ется проводить большую часть времени дома. Идиллия. Недостижимая. В реальности же все грызутся между собой. Тоска. По крайней мере, именно тоску испытывал Андрей, глядя на знакомые пары. За весьма редким исключением – вроде его родителей, до сих пор влюбленных друг в друга. Они и ему говорили, маленькому: вырастешь, полюбишь женщину, женишься... И где она, любовь? Это о чем вообще? Он любил своих родителей и будет, наверное, любить детей, как мама с папой – его, Андрюшу. И он любил своих друзей. Во всех этих отношениях не имелось ничего романтического, зато и подвоха не было: ясно, что тут за любовь такая. А к женщине, на самом деле, испытываешь влюбленность. Которая рано или поздно проходит. Нужно просто пережить ее, как грипп, переждать. Потом глядь – все прошло. И ни в какую такую великую любовь увлечение не превратилось. Остается только радоваться, что не сгруппил и не женился.

Однако бизнес-дамы, бизнес-леди, деловые женщины... Поскольку Саблин жениться не собирався, то и невесту себе не присматривал. И никогда не задумывался, где ее искать. Но если задуматься...

То лучшей кандидатуры в жены, чем бизнес-леди, не найти! При больших деньгах, а у многих из них так-таки бизнес большой, покруче саблинского... Так вот, при больших деньгах совместный быт не сможет отравлять жизнь по причине его полного отсутствия! Все труды и заботы перекладываются на плечи помощниц: там уборщица, там кухарка, а там вот, новомодное, личный секретарь. Персональный. Персек. Посему женитьба на такой даме не вступит в противоречие с главным стремлением Андрюши Саблина: наслаждаться жизнью. Сибарит по натуре, он отлично умел это делать. И даже не против наслаждаться в компании с кем-то. В достойной компании.

И что еще важно: поскольку бизнес-дама-леди-женщина сама имеет уйму бабок, – она, следовательно, за Саблина не по расчету пойдет, а за его исключительно личные достоинства. А это всегда приятно. К тому же такая не станет сидеть дома и ждать мужа с работы с тоскливыми глазами, ей не до того, у нее бизнес, дел невпроворот. И это прекрасно!

И вот еще плюс какой: вдруг дети родятся, так армию нянек и гувернанток можно нанять, и бизнес-супруга не станет обвинять Андрея в недостаточном внимании к чаду: у самой времени не будет хватать.

Конечно, брак по расчету слишком часто приводит к неверности, Саблин это отлично знал, он на ней бизнес делал. Но сам он над неверностью супруги зависать бы не стал, пусть себе, лишь бы ему наслаждаться жизнью не мешали. А он... Если что, он сумеет интрижку скрыть, – к его услугам окажется собственная фирма! Впрочем, вряд ли его прельстят шашни на стороне. Если в сексе с супругой все нормально (а он другую не выберет), то зачем? Саблин не был влюбчивым. Увлекался иной раз, и все. Но ради такого не стоит осложнять отношения в удачном браке.

Ну точно, все отлично складывается, прямо как кусочки пазла в картинку. И тут хорошо, и там отлично!

Лизка, сама того не ведая, сделала ему царский подарок. У него теперь на руках большой список имен очень богатых дам. И среди них обязательно найдется такая, которая не устоит перед обаянием Андрюши – ведь оно у него сногсшибательно, сногснительно, умопомрачительно! Он умеет привлекать женские сердца, он умеет обольщать, он умеет красиво ухаживать. Только...

Только подбираться к этим дамам следует очень осторожно. Всегда обставлять дело так, будто знакомство вышло случайно. Ведь все эти дамы с острыми зубками. Они привыкли, что к ним подбивают клинья. И каждого подозревают в корыстном расчете. Правильно делают, между прочим. К Андрюше тоже постоянно подбивают клинья юные красотки. Но он всегда настороже, он их насквозь видит. Впрочем, справедливости ради надо признать, что не всех девиц интересовало его состояние. Настю, к примеру, занимал только трах. А Лизку вообще

ничего – ни секс, ни деньги. Так, потрындеть разве о высоких материях да чуток приласкаться под его рукой, точно кошка.

Итак, подбираться к дамам следует крайне аккуратно. Якобы случайно. «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты тебя я увидел...», ля-ля-ля-ля-ля-ля. Но для «нечаянного» знакомства следует знать, на каком шумном балу дама бывает. То есть придется за ней последить.

Некоторое время Андрюша размышлял о том, как это лучше всего сделать. Названия фирм в Лизкином списке были, а вот адреса придется поискать в Интернете... И вдруг додумался: лучше всего следить не за объектом, а за персональной секретаршей. Уж она-то знает, где и когда появляется в зоне свободного доступа ее хозяйка! На каких вечерах, приемах, мероприятиях... И о вкусах хозяйки знает, о предпочтениях. Тогда Андрей сможет заранее подготовиться к встрече.

Да, отличная идея! Именно с персеков следует начать! Только надо их где-то отловить, завязать знакомство... Мысль его заработала, шестеренки закружились, будто в танце, моторчик заухал: пых-пых, пых-пых. Идея оказалась настолько увлекательной, что Андрей, налив себе еще вина, принялся ее смаковать вместе с бургундским. Ему хотелось немедленно открыть Лизкин список, чтобы выбрать наиболее интересные объекты, но он устоял перед искушением. Все-таки пора спать. Он займется этим завтра.

Завтра!

В офис Андрей отправился только после обеда. У подъезда привычно покормил дворовую кошку: летом она, еще маленьким котенком, прибилась к многоэтажному дому, и тогда ее кормили чуть ли не все жильцы, – котенок, сюси-пусси, какой хорошенький. Но никто его к себе не взял, и котенок, превратившись во взрослую кошку, так и обретался у подъезда. Консьержки пускали его в морозы погреться, а может, *ее*, никто не знал, какого зверь пола, звали его и Васей, и Василисой, кто как. Андрей животных любил, но к себе кошку тоже не взял (а на кого оставлять, когда уезжаешь по делам?), зато исправно приносил Васе-Василисе каждое утро пакетик с кошачьей едой, и тот всегда ждал его появления под ближним деревом.

Приехав в офис, Саблин проверил очередные заказы, отдал распоряжения и уселся за письменный стол у себя в начальственном кабинете с чашкой кофе. Разложил Лизкины материалы. Список подруги насчитывал двадцать семь персеков, напротив каждого имени стояли пометки. Судя по ним, некоторые встречаться с Лизкой отказались, иные на встречи согласились, но ничего экзотического не рассказали. Но это всё Лизкины дела, Андрея занимало совсем иное. Из списка работодателей он сразу вычеркнул четырех мужчин. Затем замужних женщин. В результате у него осталось семь одиноких богатых дам, имевших персональных секретарш. Добросовестная журналистка, Лиза большинство персеков даже сфотографировала для иллюстрации этой необычной профессии: все девушки были очень деловиты, с нетерпеливым выражением лица, будто их поймали сачком на лету. При этом все хорошенькие, одеты со вкусом, строго и дорого. Никаких татуировок или пирсингов: богатые дамы заботились о внешнем виде своих персональных секретарш.

Фотографий самих дам в Лизкином досье не имелось. И то, они бы не согласились сниматься для статьи, в которой рассказывалось об их секретаршах (а не о них самих!). Да, но в таком случае...

Андрей озадачился: его ночная идея уже не казалась ему отличной. Следить за персеками? Конечно, они много знают о хозяйках и, если с ними подружиться, то можно будет понять, как к самой леди подъехать, на какой лошадке... Но ведь надо сначала на самих «невест» посмотреть! Выбрать, кто ему приглянется. Тогда и станет ясно, какого персека ему начинать окучивать.

Иными словами, задача номер один – увидеть своих «невест». Всего семь, не так уж сложно. У Лизки в досье имелись названия их фирм. Но адресов не было, и Андрей забурился в Интернет.

Очень скоро он нашел всех семерых. Да не только адреса контор, но и портретки дам. Однако они задачу Саблина ничуть не облегчали: у всех улыбочки одного размера, будто с одного склада выдавали. По лицу человека можно многое понять о его характере, но для этого необходимо видеть лицо. А не масочку-улыбочку.

Андрей решил выехать на смотрины сегодня же, в четыре пополудни – это точка отсчета, от которой можно ожидать исхода бизнес-леди из своих тронных залов или, лучше сказать, центров управления полетами бизнес-проектов. Ближней к его офису оказалась некая Элеонора Всеславовна Князева. От ее ФИО разило претенциозностью. Возможно, конечно, женщине не повезло при рождении, и тогда остается только ей посочувствовать. Однако она могла сама сочинить себе это имечко – был такой период в девяностых, когда любой желающий мог назваться кем угодно. Именно тогда в российских городах и весях расплодились Клинтоньки, Сталлоне, Шварценеггеры и иже с ними знаменитости заокеанского Голливуда, равно как и персонажи из российской истории. Если Элеонора имечко сама изобрела, то Андрей быстренько повернет оглобли: тут уж речь не только о претенциозности, но и о дурновкусии. А Саблин дурновкусии не переносил.

Впрочем, претенциозность тоже есть вид дурновкусии, внес он мысленно поправку.

...Оглобли он повернул куда раньше, чем прояснил этот вопрос. Едва подъехав по адресу, он сразу узнал персональную секретаршу по фото, сделанному Лизкой. И рядом вышагивала сама Элеонора в дорожной шубе (хотя температура на тот момент пребывала в небольшом плюсе, лишь ночами подмораживало). Худая и нервная брюнетка с острым, тревожным лицом, она сразу не понравилась Саблину. Такие женщины, он знал по своему богатому опыту, чрезмерно требовательны, раздражительны и никогда не довольны. Не умеют они радоваться жизни. И Андрюша Саблин, закоренелый гедонист, решительно вычеркнул эту особу из списка.

После чего немедленно отправился по следующему адресу.

Оказалось, не так все просто: остальных «невест» не удалось поймать ни в этот, ни в последующие дни. Они уходили то ли раньше, то ли позже предполагаемых часов исхода с трудовой вахты, и Саблин до конца недели не сумел засечь ни одну из дам. Зато на себе он засек несколько напряженных взглядов охраны. В связи с чем, порыскав по Интернету, он решил купить цифровой бинокль со встроенной камерой: отличный инструмент, полностью отвечающий его нуждам. Теперь ему не придется маячить в непосредственной близости от входных дверей: бинокль мог рассмотреть женщин в деталях на расстоянии чуть ли не в километр. А дома, вечером, благодаря встроенной камере можно внимательно рассмотреть их в разных ракурсах, оценить смену выражений на лице, что для Саблина было важнее красоты. Мимика несла куда больше информации, чем физический аспект внешности, отчего служила для него решающим критерием в выборе подруг, друзей и сотрудников.

Теперь Саблину оставалось только пересечься с искомыми дамами, чтобы увидеть их, наконец, «живьем». Андрей изменил тактику: решил не прыгать от одной фирмы к другой, а высидывать появление бизнес-дамы от четырех пополудни и до упора. Будучи руководителем фирмы, он отлично знал, что рабочий день начальства зависит не только и не столько от его прихотей, а от дел. Легкий спад в интенсивности этих дел наступает в лучшем случае к пяти дня. Это рядовой персонал норовит сбежать домой поскорее, потому что зарплата ни убавится, ни прибавится от лишнего часа-другого работы. Но тот, кто занимается настоящим, успешным бизнесом, – тот никогда не позволит себе пренебречь делами и уйти пораньше, как бы ни хотелось ему отдохнуть да развлечься. Даже сведя к минимуму собственное участие в

процессе, хозяин бизнеса не может свести к минимуму контроль и свою ответственность за принятие решений.

Посему маловероятно, что бизнес-леди покинет контору до четырех. А вот когда, неизвестно. Ждать, возможно, придется и до позднего вечера... Хотя бизнес бизнесу тоже рознь. В одном дела идут ровным потоком, в другом – то густо, то пусто. У самого Саблина, к примеру, бывали дни, когда нужды появляться в офисе совсем не возникало, – зато случались и такие, что он крутился по делам с утра до вечера. Так что, строго говоря, вычислить расписание делового человека невозможно.

И все-таки в один из дней, когда часы показывали половину шестого, Андрею Саблину, наконец, повезло. Он безошибочно узнал очередную персональную секретаршу (спасибо, Лизок, за фотки!), которая сначала скрылась в недрах фирмы, а спустя полчаса появилась на выходе под ручку с разодетой начальницей. Ею оказалась полная, миловидная блондинка. Она что-то оживленно говорила своей секретарше. Андрей наблюдал за ней, пока дамы не сели в подкатившую машину, и на всякий случай сфотографировал, хотя чувствовал: не его это женщина. Впрочем, она не вызвала в нем столь категорического отторжения, как первая, Элеонора как-там-ее-благородная. И звали эту обыкновенно, слава-те господи: Вера Криворучко.

Решив посмотреть, куда направляются Вера с секретаршей, Андрей прыгнул в свою машину и последовал за ними. Оказалось, направлялись они в театр. На модный спектакль...

Вечером, прокручивая запись, Андрей еще раз всмотрелся в Веру: все-таки она ничего. Не совсем в его вкусе, но можно взять на заметку. Впрочем, у него оставалось еще несколько кандидатур, рано принимать решение. Мало ли, вдруг среди оставшихся его поджидает приятный сюрприз?

На следующий день, поразмыслив, Саблин изменил тактику. Вместо того, чтобы ждать появления бизнес-леди, будет перспективней, счел он, следить за ее персональной секретаршей. Причем с самого утра. Она в любое время дня может пересечься с хозяйкой по каким-то делам, так зачем Андрею ждать вечера? Кроме того, если дамочка ему приглянется, все равно с секретарши придется начинать: ведь напрямую ко всем этим женщинам не подъехать. Придется изображать случайную встречу. А для этого надо как-то о них побольше разузнать, тут-то секретарша и пригодится. Может, даже понадобится с ней задружиться. Дружить с женщинами Андрей Саблин умел: нежно, заботливо, часто на грани влюбленности, но всегда на грани, умело балансируя, чтобы ее не перейти.

В ближайшие два дня Андрею удалось рассмотреть еще двух кандидаток в жены. Первая казалась слишком строгой, высокомерной – ротик сжат, шея напряжена, осанка искусственно-прямая, походка старательно ровная. Сразу видно: тут правят чрезмерное самомнение вкупе с повышенным самолюбием. Такая, что ни скажи, во всем будет усматривать обидный смысл или, в лучшем случае, спорить по любому поводу до посинения. У Андрея Саблина имелся достаточный жизненный опыт, чтобы определять подобные типажи с лету. Нет уж, подобного добра нам не надо. Саблин даже снимать на камеру ее не стал.

За второй пришлось последить подольше: путь от двери ее конторы до машины оказался слишком коротким, он не успел ничего разглядеть, только увидел, как две женщины сели в «мерс». Андрей поехал за ними следом и... Снова приехал в театр. Бизнес-леди Москвы, похоже, не пропускают модные спектакли.

Путь от машины до дверей театра был подлиннее, и Андрею удалось рассмотреть интересный объект. Она... Ох-хо. В духе худших традиций отечественных звезд, она была одета... лучше сказать, раздета. Беспощадный бинокль показывал малейшую деталь, и было отлично видно, как из-под незастегнутого пальто, белого, блестящего и мало подходящего для конца января, виднелось блестящее же платье, прозрачное до такой степени, что просвечивало нижнее белье. Декольте на слишком пышной груди (силиконовой?) с трудом притормаживало у

самых сосков. Излишняя припухлость наблюдалась и в губах. И, кто его знает, силикон вполне мог находиться в других местах, которые в данный момент не просматривались. Нет-нет, здесь тоже ловить нечего, решил Андрей и снимать на видео полуобнаженную даму не стал.

Начало февраля

Зато через пару дней ему повезло. Прежде всего ему понравилась Варя, персональная секретарша Галины Докиной. Она была веселой, улыбочивой, быстрой в движениях – Андрей еле поспевал за ней, что на машине, что пешком. Довольно скоро девушка встретилась со своей хозяйкой: они пошли вместе обедать в ресторан. Устроившись за соседним столиком, Андрей приглядывался и прислушивался. Галина оказалась весьма хороша собой: черные кудри, темные живые глаза, свежий рот. Ни за что не дашь ей сорока четырех (как написано в Лизкином досье) – она выглядела едва старше своей двадцативосьмилетней секретарши. Говорили они, весьма оживленно, о вернисажах, художественных салонах и аукционах, из чего Андрей понял: бизнес Галины заключается в покупке и продаже произведений искусства. Это его немного разочаровало: такой бизнес требует много сил и времени. Уйма контактов, встреч, поездок. И Галина, судя по разговору, весело журчавшему за соседним столом, обожает свой образ жизни. Однако семья не шибко вписывается в него, вот в чем проблема. Если этой женщине не нужен муж, то у Андрея Саблина никаких шансов на женитьбу нет. Стать любовником? Но это не то, чего он ищет. Ему жена нужна. Тихая гавань. Тихая роскошная гавань.

Скороспелых решений Андрей принимать, однако, не стал. Надо к Галине присмотреться, познакомиться, узнать ее получше. Она была чрезвычайно привлекательной особой, и потому Саблин на следующий же день принялся искать подходы к ее персональной секретарше Варя.

Пару дней он бесплодно мотался за девушкой по городу, не слишком понимая, чем она занимается. Она заходила в магазины, в какие-то конторы, выходила, звонила по мобильному. На второй день он заметил, что Варя нервничает, говоря по телефону. Андрей решил подобраться поближе и послушать, о чем идет речь. Оказалось, девушка говорила на странной смеси английского и французского.

Андрей английским владел вполне прилично, а вот французский, хоть и учил в школе, да почти забыл. Тем не менее он понял, что Варя назначает кому-то встречу в художественной галерее возле Пале-Рояль.

И где это у нас Пале-Рояль, господа? А в городе Париже это, господа. Прямо напротив Лувра. И называется он так, «Пале-Рояль», потому что «королевский дворец» означает. Где «пале» – это дворец, а «рояль» вовсе не большое пианино, а «королевский». И назывался так Пале-Рояль по праву, поскольку там жили-были разные короли, фаворитки и кардиналы. В самом Лувре тесновато оказалось, видать, «квартирный вопрос» добрался и до Парижа.

Значит, у Галины в планах Париж. Ну-ну.

Судя по всему, Варин собеседник упрямылся, хотел чего-то иного (похоже, жаждал встречи с Галиной в своей мастерской, «ателье»), однако Варя была непреклонна. «У мадам будет слишком мало времени в Париже, и если вы хотите, чтобы она посмотрела ваш каталог, придется вам подойти на вернисаж»... Ну, как-то так, понял Андрей. И еще он расслышал название галереи и время/дату встречи, которая должна состояться через три дня.

Закончив эту мучительную беседу, Варя направилась в Московский дом книги, находившийся неподалеку. Саблин последовал за ней.

В магазине девушка заинтересовалась разделом словарей. Андрей поспешил туда, и опередив Варю, взял что-то с полки, принялся листать книгу, посматривая искоса на секретаршу. Она остановилась у раздела французского языка, и Саблин перебрался к ней поближе. Он старательно рассматривал учебники и словари, как вдруг Варя, стоявшая рядом, вытащила с

полки французско-русский разговорник и принялась его пролистывать. Неожиданно Саблин услышал, как она тихо чертыхнулась.

– О, собираетесь во Францию? – любезно произнес он.

Девушка растерянно посмотрела на него. Растерянность эта относилась не к словам Саблина, а к каким-то ее заботам.

– Я никак не могу найти... – начала она и вдруг сама себя перебила: – Да, во Францию. А вы в этих всех, – она кивнула на полку, – учебниках и курсах что-нибудь понимаете?

– Хотите срочно выучить французский? – улыбнулся Саблин.

– Не хочу. Времени мало, через три дня лететь. Мне нужно выучить хотя бы несколько фраз и отдельных слов...

– Зачем учить? В приложениях к телефону есть голосовые переводчики, переводят с лету.

– Да знаю я, – девушка раздраженно махнула рукой. – Они все полный ноль. Даже обычные слова толком перевести не могут, а мне нужны специальные!

– Это какие же?

Конечно, Андрей догадался, о какой лексике речь, учитывая бизнес Галины. Но виду не подал.

– По изобразительному искусству... – вздохнула Варя. – Только нигде нет.

– Хм. Думаю, можно найти в Интернете нужную французскую лексику. Распечатайте список и возьмите с собой в поездку.

– Но я ведь не смогу предложение с этими словами построить... Мне нужно хоть несколько фраз по теме!

– Как вас зовут? – с отеческой заботой в голосе спросил Андрей.

– Варя...

– Варя, у меня есть хороший знакомый, он искусствовед и при этом отлично говорит по-французски. Возможно, он сумеет помочь. Я ему прямо сейчас позвоню, подождите... Алле, Миша? Слушай, тут такое дело...

Саблин отошел в сторону. К Варе вернулся минуты через две.

– Вам повезло: Михаил с советских времен сохранил отличный учебник, по которому учился сам. Там тематические уроки с нужной вам лексикой. И он готов вам его одолжить. Переснимете нужный материал и вернете.

– А в продаже найти... – начала Варя, но Андрей прервал ее:

– Нет. Его почему-то не переиздают.

– Так как же...

– А очень просто: сейчас поедem к Михаилу. Кажется, он Евгеньевич, но я точно не помню.

– Да вы прямо добрый фей, – рассмеялась Варя, в голосе ее слышалась признательность.

– Обращайтесь, – с комической важностью кивнул Саблин. – Ну что, поехали?

По дороге они разговорились. Варя поведала о своей работе у Галины Докиной, которую она называла «начальницей». По ее словам, начальница у нее была чудесная и работа крайне интересная, только вот времени отнимала многовато... На личную жизнь почти ничего не оставалось, и у Вари даже парня не было, что ее немного удручало. Хотя, конечно, все еще впереди...

Андрей меньше всего желал, чтобы девушка усмотрела в нем кандидата в «парни», и с энтузиазмом подтвердил, что, конечно же, у нее все еще впереди.

В результате Варя заполучила вожделенный учебник, и Саблин, довольный, покати́л домой. Сегодняшний день оказался плодотворным, Андрей был горд собой. Он чрезвычайно ловко подкатил к Варе и, – он уверен! – наладил с ней грядущее позитивное общение. А оно

грядет, грядет. И не потому, что Варя вдруг однажды окажется в тупике и вспомнит о нем, Андрее, чтобы спросить совета (хотя визитку свою он девушке оставил). А потому, что через три дня они встретятся на вернисаже в Париже.

Дома Саблин заказал себе через Интернет билет в Париж на нужную дату. После чего сделал пару звонков своим парижским друзьям и принялся обдумывать, в каком виде следует показаться в галерее. Во Франции он бывал, художественную среду немножко знал: по работе сталкивался, – и решил одеться с богемным шиком. То есть вроде бы совсем непринужденно, при этом весьма продуманно. Тот же обманчивый стиль, что и в характерной французской женской прическе: волосы подколоты на затылке, пряди вольно выбиваются там и сям, однако вольность эта мнимая, на самом деле каждый якобы небрежный завиток находится на том месте, которое предусмотрела для него хозяйка.

Посмотрев метеосводки, он огорчился: в Париже было едва теплее, чем в Москве. А он-то надеялся на солнышко... Февраль только начался, погода стояла пасмурная, стылая, то дождь, то снег, то малый плюс, то слабый минус, и весна в неприветливых владениях зимы лишь робко, неуверенно намекала на свое грядущее пришествие тонким запахом коры пробуждающихся к жизни деревьев. Пришлось закинуть в дорожную сумку теплые вещи. Андрей выбрал черные джинсы, песочного цвета пуловер, короткое черное пальто с подбивкой... Нет, не меховой, боже упаси, во Франции за натуральный мех могут живьем съесть защитники животных! – с подбивкой из кашемира цвета маренго и, в довершение, шейный шелковый платок с терракотово-черным рисунком. Черное сочеталось с пальто, терракотт – с песочным. Посмотрел на себя в зеркало: весьма неплохо, прямо что-то французское засквозило в облик.

В аэропорту Шарль де Голль его встречал давний друг Володька, художник, обретавшийся во Франции вот уже с десятков лет и даже продававший время от времени свои картины в галереях. Узнав, что от него требуется, Володька заверил, что все организует в лучшем виде.

Ночевал Саблин у другого приятеля, имевшего вполне сносную квартиру на площади Бастилии, – у Володьки никак невозможно, он жил на Итальянском бульваре в мансарде одного из роскошных домов, «под крышами Парижа». Звучит романтично, однако весь романтизм рассыпается в прах, когда пройдешь семь этажей без лифта, едва втиснешься в дверь (потому что она упирается в край матраса) и окажешься в десятиметровой комнате. Точнее, в десятиметровой квартире, поскольку на этих метрах еще расположились душ с туалетом и крошечный кухонный уголок: плита, мойка и малюсенький холодильник под ней.

На следующий день Андрей и Володька встретились возле Пале-Рояль и отправились на вернисаж одного модного французского художника.

Саблин увидел Галину практически сразу: она рассматривала картины, держа в руке бокал шампанского. Варя паслась у столика с канапе.

– Художник стоящий, – шепнул Андрею Володька. – Если что, можешь поговорить с Галиной о его танцующей перспективе.

– Это как? – не понял Андрей.

– Ты ведь не спец, ты просто любитель – таков твой имидж для дамы, верно? Тогда никаких профессиональных терминов. Посмотри: на заднем плане, в перспективе, линии будто танцуют?

– Ну.

– Вот и скажи ей, когда представится случай: мол, нравится мне эта танцующая перспектива. В искусстве, мол, я не очень разбираюсь, но люблю. Хочу купить что-нибудь для дома... Ну, примерно так. Покупать необязательно, сам понимаешь. Просто светский треп, чтобы знакомство завязать. А потом представь меня, я ей чего-нибудь дельное скажу.

– Надеешься свои картины ей подсунуть? – понимающе усмехнулся Андрей.

– А почему нет? – не обиделся Володька. – У нее есть деньги, у меня товар. А там видно будет.

Саблин кивнул и указал ему в сторону столика с канапе:

– Смотри туда. Видишь хорошенькую девушку? Это Варя, ее секретарша. Иди, познакомься для начала с ней. Заодно отвлеки, я не хочу, чтобы она заметила меня сразу.

– О, и вправду милашка! – оживился Володька. – Я полетел.

Андрей прошел за спиной у Вари, с удовольствием отметив, что она общается с какой-то французской пожилой парой, заглядывая в подсказки, которые сделала с помощью учебника Михаила. Остановившись у крайней картины, он выжидал удобного момента, потихоньку перемещаясь вдоль полотен в сторону Галины. Она внимательно разглядывала развеску, тихо наговаривая что-то в телефон (похоже, включила диктофон). Хозяин вернисажа, автор картин, поглядывал издали в ее сторону с надеждой, но беспокоить не смел.

Краем глаза Саблин видел, что у Володьки с Варей завязалась оживленная беседа, и порадовался, что у девушки появился новый объект интереса. А то он уж было напрягся, что слишком Вареньке приглянулся.

Наконец он добрался до Галины. Она лишь скосила глаза, чтобы увидеть того, кто пристроился рядом с ней.

– Простите, я слышал, вы говорите по-русски... Мне не показалось?

Галина кивнула, не повернув к нему головы.

– Я не специалист, ничего в искусстве не понимаю, но мне нравится эта танцующая перспектива, – указал Андрей на одно из полотен. – А вы как считаете, это действительно находка автора? А то, может, у него просто руки дрожат, а я, профан, увидел в этом специальный прием?

– «Танцующая»? – изволила, наконец, посмотреть на него Галина. – Точно подмечено. И будьте уверены, так художником задумано. Паркинсоном он не страдает.

– Спасибо, – скромно улыбнулся Андрей. – Вы наверняка искусствовед. Я прав?

Галина неопределенно кивнула. Понятно: называть свою профессию она не торопилась, но искусствоведом не была, хотя разбиралась в искусстве, наверное, не хуже, а то и лучше любого из них.

– Приятно, что я не попал впросак, – продолжил Андрей. – Но вот скажите, отчего на переднем плане у художника все нормально прорисовано, а на заднем линии танцуют?

«Сейчас скажет: художник так видит», – с ужасом подумал Саблин. Он ненавидел подобные фразы. Они служили для маскировки пустоты, для замазывания трещин и заполнения лакун смысла.

– Мне кажется, – любезно откликнулась Галина, – что перспективу искажает дрожание воздуха, ветер, и художник это подметил. Тогда как передний план, он рядом, близко перед глазами, отчего это дрожание незаметно.

– «Большое видится на расстоянии», – задумчиво произнес Саблин.

– О, как мило. Вы и Есенина знаете.

Неожиданно у них за спиной зазвучал легкий перестук каблучков.

– Андрей! Неужели это вы?! – подлетела к ним Варя.

За ней не слишком уверенно (вроде как не приглашали...) к ним подошел Володька. Разразились перекрестные восклицания: какая неожиданность, ну надо же, вот не предполагал вас тут встретить... Затем Варя принялась рассказывать Галине об их знакомстве в Московском доме книги, а Андрей представил Володьку как своего давнего друга.

Внезапно в помещение стремительным шагом вошел импозантный мужчина в длинном черном пальто с длинным же белым шарфом. Остановился посередине как вкопанный, зорко оглядел зал и направился напрямик к Галине. «Ма шер Галья!» – склонился он к ее руке. Андрей вспомнил подслушанный Варин разговор. Должно быть, это и есть тот тип, что столь

страстно жаждал встречи с Докиной. Еще бы, художников – тьма, а покупателей, – таких как она, способных приобрести (и дорого!) картину, если понравится, – раз-два и обчелся.

Андрей деликатно отошел в сторонку. Володька тут же начертился рядом с ним.

– Глянь, – тихо произнес Саблин. – Что за хмырь, ты его знаешь?

– Знаю. Отсоветуй своей крале иметь с ним дело. У него репутация неплохого художника – заметь, не более чем «неплохого», – но характер склочный. Никто не желает с ним связываться, потому что он не только склочный, но и приставучий, как жвачка. Раз прицепится – ничем не отклеишь.

– Да, но что мне сказать Галине? Я же с этим типом незнаком.

– Зовут его Дмитрий Вагин, он из третьего поколения русских эмигрантов, по-русски почти не говорит и Россию презирает. Скажи: слышал, мол, я об этом художнике, у меня есть в Париже друзья, которые знают, что у него плохая репутация.

Галина тем временем листала каталог с картинами Вагина, который тот принес. В какой-то момент она подняла голову, нашла взглядом Андрея – он улыбнулся ей уже на правах знакомого.

– Что скажете, Андрей? – подошла к нему Галина. – Вы хоть и не специалист, но чутье у вас есть. Как вам эти картины? – и она протянула ему раскрытый каталог Вагина.

Володька, стоявший рядом, тут же вытянул шею.

– Вы лучше Владимира спросите, – подтолкнул друга вперед Андрей. – Он художник, отлично в этом разбирается.

Галина улыбнулась краешками губ, никак не заинтересовавшись «художником».

– Сначала я хочу услышать ваше мнение, – ответила она.

Андрей принялся рассматривать репродукции в каталоге.

– Вам действительно интересно, что я думаю? – повернул он, наконец, голову к Галине.

Андрей точно знал, что интересен Галине он сам – красивый, породистый, обаятельный. Но этого она, конечно, не скажет. И прекрасно: у них есть нейтральная тема для беседы и более близкого последующего знакомства.

– Раз я спрашиваю, – несколько недовольно ответила Галина.

– Ох, простите, я просто не привык, что моим некомпетентным мнением интересуются знатоки... – Саблин скромно улыбнулся. – На мой взгляд, картины любопытные. Преобладание черного цвета и четкость линий, будто он по линейке рисовал. Ничего общего с «танцующими». Совсем другая манера и, наверное, это оригинально – четкий геометрический мир... Но я бы для своей обители такую не купил.

– Почему? – В голосе Галины послышался неподдельный интерес.

Понятно: ведь она покупает, чтобы потом перепродать, и мнение конечного покупателя – того, кто заплатит деньги за картину (или не заплатит) для своего жилья, – ей очень важно. И Андрей символизировал для нее этого покупателя.

– Депрессивно. Строишь, и тоска разбирает. Черный мир, мрак. А я люблю солнце.

Галина вскинула брови.

– Вот как? Очень любопытно... Знали бы вы, сколько депрессивных людей любит депрессивные произведения! Месье Вагин, – окликнула она художника, – меня заинтересовали ваши работы. Могу ли я посетить ваше ателье завтра?

И она направилась к Вагину. Не дойдя, обернулась к Андрею.

– Если вы не заняты после вернисажа, то, может, поговорим об искусстве? Тут рядом есть отличный ресторан. Давайте поужинаем вчетвером, с вашим приятелем и Варей, – вы не против? Я приглашаю.

– Мы не против, – ответил Андрей, – мы напротив.

Галина удивленно подняла брови.

– Мы, напротив, очень рады, – весело договорил фразу Андрей. – Только приглашаю я.

Галина открыла было рот, чтобы возразить, но передумала и одарила его улыбкой.

За ужином Володька ухитрился показать Галине на планшете свои работы и цвел аки роза до конца вечера – оттого, что она обещала заехать к нему в студию. Одновременно он успевал кокетничать с Варей, да не без взаимности. Тогда как Галина, изо всех сил стараясь этого не показать, наслаждалась общением с Андреем Саблиным, прочно попав в сети его обволакивающего обаяния.

Следующую ночь Галина провела в его объятиях. Оказалось, что у разборчивой красавицы давно не было «друга» и, соответственно, физической близости. Таланты Андрея в эротических ласках восхитили ее до глубины души и тела.

В Москву они возвращались вместе: Саблин сумел поменять свой билет. Варя грустно смотрела в иллюминатор: кажется, девушка успела влюбиться в Володьку. И действительно, она в тот же вечер позвонила Саблину и стала расспрашивать о его ветреном парижском друге. Андрей заверял, что такая девушка, как Варя, не может не понравиться, и обещал выведать у Володьки о чувствах к ней...

Андрей с Галиной стали встречаться. Поначалу виделись каждый вечер, но ее работа требовала частых разъездов, приходилось расставаться. И Галина принялась поговаривать о том, чтобы Андрей продал свой бизнес и сотрудничал с ней. Денег, мол, намного больше и работа интересней.

Это было верно – по крайней мере, насчет денег. Только Андрей вовсе не хотел менять свою относительно спокойную деятельность на постоянные разъезды и вернисажи. Светские рауты его ничуть не привлекали, блистать на них, как Галина, он желания не имел. Посему отвечал неопределенно и уклончиво – мол, надо подумать да поразмыслить...

Что касается Вари, то она сохла по Володьке и постоянно говорила о нем. Вскоре их отношения с Андреем стали напоминать отношения младшей сестры со старшим братом. Варя советовалась с ним все чаще, уже по всяким поводам, – и насчет Володьки, и по поручениям Галины. Испытывая симпатию к девушке, Саблин даже ездил иной раз с ней, чтобы помочь что-то подыскать в магазине или решить какую-нибудь проблему. У него благодаря клиентуре имелось множество самых разных знакомств, и ему не составило труда, к примеру, найти добросовестного и профессионального ювелира, чтобы починить замки на старинных золотых серьгах Галины. В другой раз хозяин дорогого бутика продал, по просьбе Саблина, Варе (для хозяйки, разумеется) гарантированно настоящий багажный набор Луи Вюитона, а не контрафакт, который шел за ту же цену.

Отношения Саблина с Галиной длились уже больше месяца и внешне выглядели совершенно гармоничными, но на самом деле Андрей стал подумывать, как бы из них вывернуться. Галина активно вовлекала его в свою деловую жизнь – жаждала найти в нем не только единомышленника, но и помощника в делах. Ему же ни тем, ни другим становиться не хотелось. Конечно, Галина исключительная во всех отношениях женщина, но...

Андрей Саблин был уже женат на своем исключительном гедонизме.

Он решил потихоньку отдалиться от Галины. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Она не желала отпускать Андрея, к тому же принялась ревновать, заподозрив, что он нашел другую женщину. Один раз попыталась выкрасть его телефон – хотела, видимо, посмотреть сообщения и звонки. В другой раз Саблин засек Варю, неумело следившую за ним по поручению начальницы...

Это был перебор. Пришлось поговорить с Галиной и прекратить всяческие отношения резко, раз уж постепенно не получилось. Она просила прощения, говорила, что любит...

Но Саблин понимал: ей нужен «муж-мальчик, муж-слуга». Так уж устроена эта женщина. Да только он, Андрей, на подобную роль не годился.

После того разговора Андрей больше не встречался с Галиной. Правда, Варя продолжала звонить ему, и Саблин еще несколько раз помог девушке выполнить поручения начальницы, но потом стал ссылаться на занятость. В самом деле, было бы странно продолжать общаться с секретаршей Галины, когда он уже разорвал отношения с ней самой. Конечно, они с Варей подружились, но...

Подружек у Андрея было множество. Все они любили его и он любил их всех. Это не значит, что им следовало встречаться каждую неделю. Дружба – не любовь, с друзьями можно и раз в полгода видеться. А то и реже.

Варя почувствовала, что Андрей стал отдаляться, и, как хорошо воспитанная девушка, решила ему не надоедать. Или тоже поняла, что на фоне разрыва отношений Саблина с начальницей продолжать постоянное общение с ним будет неуместно...

Вторая половина марта

Андрею потребовалось время, чтобы остыть после разрыва с Галиной, и он не сразу приступил к наблюдению за следующей бизнес-дамой. Вернее, за ее персональной секретаршей Милой.

Маленькая, тоненькая и юркая, она небрежно подкалывала русые волосы на затылке, пряди выбивались там и сям, что очень шло к ее треугольному личику, серым глазам и ротуку сердечком. Она почти не красилась, но это не мешало ей быть хорошенькой и привлекательной. Во всяком случае, Саблину Мила понравилась. И он вознадеялся, что ее начальница тоже не подкачает.

К концу первого же дня он смог убедиться, что надежды его оправдались.

Удивительное дело: как Варя с Галиной, две яркие брюнетки, оказались чем-то схожи, – так и Мила чем-то неуловимо напоминала Диану. Когда Андрей увидел ее, то вспомнил расхожее утверждение, что собаки похожи на своих хозяев. Или, наоборот, хозяева на своих собак. Нет, он вовсе не намеревался принизить персеков, – просто существовал, по всей видимости, какой-то тайный закон, в силу которого личные секретарши тоже часто напоминали своих начальниц.

Как и Мила, Диана оказалась русой, и волосы ее так же подобраны на затылке, только в более аккуратный пучок из локонов. И цветом глаз они оказались схожи: тот же серо-голубой оттенок. Правда, лицом Диана совсем не походила на свою секретаршу. Оно...

Оно было вылеплено по всем правилам искусства. Андрей не сумел бы словами объяснить свои ощущения, но, стань он скульптором и задайся целью создать идеальное лицо... в смысле, с идеальными пропорциями... То он бы вылепил Диану.

Нет, красавицей она не была. Может, именно потому, что черты лица слишком гармоничны. Оно не привлекало к себе повышенного внимания – в лучшем случае его называли бы милотидным. Однако, взглядевшись однажды, человек уже не мог отвести глаз. В гармонии черт имелось что-то чарующее – притягательное настолько, что хотелось смотреть и наслаждаться этим лицом вновь и вновь.

Вечером, дома, Андрей прокрутил сделанную с помощью цифрового бинокля запись раз шесть. Диана не была кокеткой: выражение лица спокойное, нехлопотливое, немного сосредоточенное, пока они о чем-то разговаривали с Милой, – зато улыбка оказалась просто лучезарна. Андрей ощутил странную тревогу, взглядываясь в запись. Будто ждешь чего-то важного, но не знаешь, дождешься ли... Он не удержался и прокрутил кадры еще разок, седьмой, снова взглядываясь в лицо, фигуру (такую ладную!) Дианы, пытаясь понять: что случилось? Что такое?

Что его зацепило в этой женщине? Он не испытал всплеска влечения, как случилось с ним нередко при виде сексапильных женщин. Тут было что-то иное...

Он вспомнил, как бродил по вернисажу в Париже, разглядывая картины с «танцующими линиями». Они нравились ему, но покупать что-либо Саблин не собирался. И вдруг одна, совсем небольшая (на ней мчались облака по синему осеннему небу и летели, шурша, рыжие осенние листья – да-да, там все летело и шуршало!), будто доверительно дотронулась до его плеча. Странное ощущение.

Картину Андрей не купил, она совсем не подходила к его интерьеру в стиле хай-тек. Но от нее осталось в груди теплое чувство, будто там пригрелся котенок.

И сегодня он снова испытал это чувство, глядя на Диану. Будто она коснулась его и что-то прошептала. Что-то особенное, только для него, – и ушла. А с ним остался теплый котенок...

Понедельник

На следующее утро Саблин снова следил за Милой. Из дома (она жила в районе Таганки) девушка отправилась на Кутузовский проспект в цветочный магазин, один из крупнейших в Москве. Андрей вошел следом. Мила прохаживалась с задумчивым видом, рассматривая цветы. Именно цветы, а не готовые композиции. Соберет букет сама?

Наконец Мила подошла к продавщице. Саблин наострил ухо.

– Мне нужно украсить небольшой зал на день рождения пожилой дамы, – произнесла девушка. – Но дамы необычной. Она профессор, доктор биохимических наук и очень своеобразная...

Мила задумалась на короткое время – видимо, подбирая слова. Затем достала из сумочки мобильный и, потыкав в экран, открыла фотографию.

– Смотрите сами.

Андрей незаметно подошел поближе, заглянул через плечо девушки. Стройная седая женщина с короткой модной стрижкой, в джинсах и длинном фиолетовом свитере крупной вязки – не свитер, а кольчуга; в пальцах, унизанных серебряными кольцами, дымится сигарета. Рядом стояла Диана, обнимая женщину за плечи, хотя та была выше Дианы на голову. Ее мать?

– Она не любит розы, – продолжала Мила. – И вообще обычные цветы не любит.

– Что же она любит в таком случае? – удивилась плотненькая хорошенькая продавщица. – Колючки?

– Вот если бы они у вас были, то как раз бы подошло! – кивнула Мила.

– У нас есть кактусы, – пожалала плечами продавщица. – Вон там, – вскинула она палец, – можете посмотреть.

Мила неуверенно двинулась в сторону полки с кактусами. Ее неуверенность можно понять: и впрямь, какое из них украшение зала? Только гостей всех переколют, подумал Саблин. И вдруг он вспомнил об одном своем хорошем друге, которого переключило на суккулентах. Он разводил их в каких-то немислимых количествах, и городская квартира, и дача были уставлены площадками с этими диковинными растениями всех форм и расцветок.

– Простите, – тронул он Милу за плечо, – я случайно услышал ваш разговор...

Девушка обернулась. В ее глазах светилась настороженность.

– И?... – не слишком любезно спросила она.

– У меня есть идея для оформления вашего зала: суккуленты.

– Это что за зверь?

– Такие растения, красивые и причудливые, в них очень много сока, потому они называются «суккуленты». В переводе с латыни означает просто «сочные»... Сейчас, подождите, у меня где-то есть фотки, мой друг ими увлекается, он мне присылал... Он в них прямо влюб-

лен... – говорил Саблин, прокручивая снимки на своем смартфоне. – Ага, вот! Смотрите, они напоминают розы, но при этом не розы.

Мила с любопытством принялась рассматривать растения.

– Надо же, и впрямь красивые. Здорово! Марине Анатольевне понравится, я уверена. И Диане тоже. Только где их достать? Мне нужно много, чтобы на столе стояли и на стенках несколько композиций... Может, ваш приятель продаст?

– Сейчас у него спрошу.

Андрей принялся набирать номер. Он не думал, что Колька готов расстаться со своей коллекцией, но ему было необходимо задружиться с Милой, и он старался любой ценой продлить общение.

Повезло. Колька, вникнув в проблему, пригласил их к себе, чтобы обсудить предмет при встрече.

Андрей предложил ехать на его «Тойоте», но Мила, поколебавшись, решила следовать в Марьину Рошу, где жил Колька, на своем маленьком красном «Киа Пиканто». Осторожная девушка, это правильно.

Колька жил холостяком в двухкомнатной квартире. Одна из комнат, посветлее, была заставлена стеклянными этажерками, а на них разместились потрясающей красоты композиции из суккулентов. Туда он гостей и провел.

Мила ахнула.

– Никогда не видела такого великолепия! Они какие-то ювелирные, будто их выточили из драгоценных камней...

И она принялась разглядывать растения, медленно передвигаясь вдоль полок.

– А вот этот, вот этот, прямо меховой, как зверек! А эти будто в паутину закутались! Ой, а у этого волосы! Он лохматый, его к парикмахеру нужно отвести! – смеялась она. – Ну до чего же диковинные растения... Николай, а нельзя ли у вас купить пару штук? Я бы у себя дома посадила, я в них просто влюбилась!

Николай, пока Мила любовалась его коллекцией, любовался Милой. И услышав ее просьбу, просиял.

– Да что вы, я вам подарю, сделаю для вас красивую композицию!

– Не надо, мне неудобно, получается, я напросилась... Давайте я у вас куплю...

– Не торгуйтесь, девушка! – строго произнес Николай. – Или в подарок, или никак! – И он, сняв очки, сделал шутливо-суровое лицо.

Он был высокий, худощавый – Мила рядом с ним казалась Дюймовочкой. Она расплылась в довольной улыбке и, встав на цыпочки, поцеловала Николая в щеку. Тот слегка порозовел от неожиданности. От удовольствия тоже.

– Ладно, делать нечего, придется принимать подарок, – усмехнулась Мила. – Спасибо! А можно еще туда вон того рыжего меховичка посадить, в мой подарок?

– Не проблема. Суккуленты размножаются очень быстро и легко. И «детками», и просто кусочками: хоть лист ткните в землю, хоть часть стебля, – они пустят корни, и из них поднимутся новые растения.

– Потрясающе... – протянула Мила. – Значит, вы сможете сделать для нас композиции для украшения банкетного зала?

– Смотря сколько вам нужно.

– У нас намечается пятнадцать столов. По одной композиции в центр каждого. Ну и на стены желательно. На длинные хотя бы по три, а на торцовые по две...

– То есть еще десять. Итого двадцать пять композиций...

Николай задумался, разглядывая свою коллекцию.

– Праздник назначен на какой день?

– На воскресенье.

– А сегодня у нас понедельник... – проговорил Николай. – Мне нужно посчитать, сколько растений я смогу высвободить для вашего заказа, подождите. Угостить вас пока чем-нибудь? Кофе, чай? В кухне на столе есть фрукты. Пойдемте.

Он провел их на маленькую кухню. На столе и впрямь стояла огромная плетеная ваза, полная яблок, апельсинов и бананов.

– Присаживайтесь, – произнес Николай и достал маленькие тарелки. – Ножички для фруктов дать? А то, может, по бокалу вина, что скажете?

– Ты нас лучше своей наливкой угости, – произнес Саблин. – У него, Мила, потрясающая вишневая наливка! Сам делает. Рекомендую.

Мила снова задрала голову и посмотрела на Николая. Не красавец, но внешность приятная, брюнет с небольшой бородкой, карие близорукие глаза, очки. От него шла теплая, добрая энергия, которую Николай беззаботно отдавал всякому страждущему. Впрочем, в последнее время он научился ограничивать поток потребителей, поскольку вместе с энергией растрчивались время и внимание, то есть самое драгоценное, чем может обладать человек, с точки зрения Николая.

Мила об этом, конечно, не знала. Николай ей просто приглянулся, она бы не смогла объяснить, чем именно. Да и кто способен увидеть, отследить, запротоколировать таинственный и незримый процесс соединения, сцепления, слияния человеческих эмоций и эманаций, энергий и электромагнитных волн, пульсаций сердца и биения пульса?

– Спасибо, – улыбнулась девушка, – только маленькую стопочку. Она у вас хмельная?

– Ну, градусов двадцать пять будет.

– Еще стакан водички, если можно, и кофе.

– И мне кофе, – поднялся Андрей. – Коль, давай я нас обслужу сам, а ты иди считать своих «деток». На тебя кофейку сварганить?

Николай ушел, Андрей принялся хлопотать на его кухне. Он тут часто бывал – точнее, не так уж часто, а когда хотелось по душам поговорить. Колька был единственным, с кем Саблин позволял себе откровенничать. Естественно, Андрей давно освоился в квартире друга и чувствовал себя в ней, как у себя дома.

Мила резала фрукты, красиво раскладывая их на тарелке: кружки апельсинов, бананов и дольки яблок. Когда хозяин вернулся, наливочка была уже выпита из крошечных рюмок, – их Колька специально держал для наливки, которую каждый год делал из своих вишен, росших на даче, – нарезанные фрукты отчасти съедены (оставили хозяину полтарелки), а кофе дымился в трех чашках.

– У меня и печенье есть, – Николай достал из шкафчика коробку, открыл и положил на стол рядом с фруктами. – Ешьте.

– Наливка у вас обалденная! – похвалила Мила. – Еще бы выпила, но я за рулем.

– Разумно. А вы приезжайте ко мне как-нибудь после работы, когда торопиться не будете. Я вас не только наливкой угощу – я еще готовлю, как звездно-звездчатый французский шеф-повар! А потом сам отвезу домой, чтобы вы могли смело наслаждаться наливочкой.

Мила рассмеялась, тряхнула русой головкой.

– А что, может, и приму ваше приглашение! – задорно произнесла она.

И Андрей, глянув на Милу, почему-то подумал: обязательно примет. Приглянулся ей Николай. Он чудаковатый, но классный парень. И девчонке замуж пора – сколько ей? Саблин не запомнил цифру из Лизкиного досье, но за двадцать пять наверняка, а все бегаёт с утра до вечера по поручениям Дианы, как пацанка. Да и Кольке пора жениться. Точнее, женат он уже был, супружница его кинула во всех смыслах, ну так что теперь надо просто другую семью завести... Хорошая бы из них получилась пара.

Он вдруг подумал о Варе. Он довольно давно с ней не общался. Как там у них с Володькой? Любопытно, кстати, получилось: уже второй его друг запал на персональную секретаршу, с которой Андрей его познакомил. Может, сменить род бизнеса и открыть брачное агентство? – усмехнулся он своим мыслям. Или они просто все в таком возрасте, когда пора заводить семью... Как ему самому, между прочим.

– Ну, Коль, как твой детский сад поживает? Посчитал по панамкам?

– Посчитал. Думаю, получится. Закончим трапезу, я вам покажу, какие композиции хочу сделать.

Допив кофе, они вернулись в комнату со стеклянными этажерками.

– На столы предлагаю керамические плоски, желательно овальные, сантиметров двадцать пять примерно в длину, если найдете в магазинах. В них я посажу вот такие, такие и такие, – показывал он пальцем на «розочки» разных оттенков, – в центре. Сбоку будет торчать этот, – он указал на мини-деревце с резными черными листьями, – а с противоположной стороны будут свисать ягодки, смотрите, они похожи на мелкий виноград...

– Как красиво! – Мила захлопала в ладоши. – Чудо просто!

– Плоски нужно купить и привезти ко мне, желательно прямо завтра.

– Завтра вряд ли получится, – возразила Мила. – Мне надо еще с начальницей обсудить, потом с ее мамой, юбиляршей.

– Ну, послезавтра. А для оформления стен хорошо бы найти вот такого рода деревянные бруски, смотрите, – он взял одну композицию с полки, где суккуленты были посажены в кусок выдолбленного дерева с замшелой корой. – Если не найдете в магазинах, то обратитесь в Ботанический сад. У меня там друг работает, они делают из дерева разные штуковины, так что сумеет помочь, думаю. Вот его номер, держи, Андрюха. Скажешь, что от меня. Да, и мой номер возьмите, Мила... – Николай вытащил из кармана визитную карточку (приготовил заранее, подумал Андрей). – Когда насчет наливки... ну, и ужина... надумаете... Звоните, в общем.

– А вот вам мой! – Мила быстро черкнула на листке из блокнота. – А вы, значит, в институте ядерной физики работаете? – прочитала она на визитке, и глаза ее изумленно округлились. – То есть... Вы дважды ботаник! – захохотала она, и мужчины невольно засмеялись вслед за ней.

– А почему? – Николай хоть и улыбался до ушей, за компанию, но шутку не понял: он обитал в сферах, далеких от интернет-приколов.

– Ты ботаник по призванию, – пояснил Саблин, – потому что с растениями возишься.

– Это я как раз понял.

– Со вторым труднее будет, – серьезно произнес Андрей, и Мила прыснула со смеху. – Ботаниками – или ботанами – в молодежной среде называют умных и образованных.

– То есть я, поскольку доктор наук...

– Ботан и есть! – подтвердил Саблин.

– Ишь ты, – покрутил головой Колька.

– Дважды, – уточнила Мила.

– Прямо как орден. Дважды герой чего-то там...

Колька улыбался, Мила тихо смеялась, Саблин усмехался, глядя на обоих.

На прощанье Мила сфотографировала коллекцию суккулентов и тут же переслала пару снимков своей начальнице.

– Я уверена, Диана придет в восторг. И я хочу им насладиться вместе с вами!

И точно, через пару минут телефон тренькнул: пришло сообщение от Дианы. Текста не было, только три смайлика, изображавших большой палец, знак одобрения.

– Вот теперь можем идти, – сообщила она и, встав на цыпочки, снова поцеловала Николая в щеку.

Он склонился, сложившись втрое, и ответил ей звонким поцелуем.

– Какая у вас щечка... Прямо персик, – произнес «дважды ботаник», мечтательно потрогав пальцем свои губы.

Мила загадочно улыбнулась, Саблин хлопнул друга по плечу.

Они вышли на лестничную площадку.

– Я покажу Диане остальные снимки, она обсудит со своей матерью. И как только она даст «добро», – произнесла Мила на прощанье, – я вам позвоню, Андрей. На связи, да?

И они разъехались, каждый на своей машине.

«Связи» долго ждать не пришлось. В тот же вечер Мила сообщила: Диана приглашает Андрея завтра на обед (или на ленч, если угодно) в ресторан. Это деловое приглашение. Диана в восторге от идеи с суккулентами и хочет поблагодарить ее автора.

Ну вот, свершилось. Завтра будет дозволено приблизиться к богине.

Саблин весь оставшийся вечер снова просматривал запись с Дианой. Давно... – или никогда? – с ним такого не было: он волновался, как мальчишка, в ожидании грядущей встречи, не находил себе места и нервничал непонятно отчего.

Вторник

На следующий день, в ресторане, они столкнулись в дверях. Андрей вовремя вспомнил, что он не должен знать Диану в лицо. А она его и в самом деле не знала. Поэтому прошла в придержанную им дверь, одарив мимолетной вежливой улыбкой.

По всей видимости, следует набрать ее номер, появившись в ресторане: ведь она инициатор встречи в этом месте, – значит, она и столик заказывала. Поэтому он, отстав от Дианы на несколько шагов, проследил, куда она села, а затем, покрутившись для виду вправо-влево (на случай, если она на него смотрит), позвонил.

– Да, понял... – отвечал он на ее пояснения, – ага, вижу! Это вы?

Диана помахала ему, и Андрей направился к ее столику.

По каким-то непонятным причинам его неуютная и странная робость мгновенно исчезла, как только он присел за стол. Диана спросила, может ли она порекомендовать ему блюда – поскольку она давно знает этот ресторан. Если только у него нет никаких запретов на ту или иную пищу, конечно, по диетическим или религиозным соображениям...

– Что вы, я всеяден! – прервал ее дипломатическую речь Саблин.

Диана предложила ему несколько разных блюд на выбор, прокомментировав каждое. Андрей отпускал шутливые реплики, Диана отвечала ему в тон. Оказалось, что общаться с ней очень легко, и Саблин окончательно расслабился. Когда, наконец, им принесли вино – белое, так как они заказали блюда из морепродуктов, – они чокнулись за знакомство.

– Спасибо вам, Андрей, – проговорила Диана, сделав глоток, – вы для нас с мамой открыли целый мир. Незнакомый до этого момента.

– Мир?

– Мир суккулентов, – усмехнулась она, заложив русую прядь за ухо. – Это фантастические растения. Фантастически красивые, но не только. Они будто из другой галактики... Инопланетяне.

– Диана, я рад, но... Собственно, моя заслуга лишь в том, что у меня есть такой классный приятель, который увлекается ими.

– Не важно, откуда вы узнали о них. Для нас дверь в этот мир открыли вы, Андрей. И мы с моей мамой... и с Милой, конечно! – вам благодарны. В связи с чем, – Диана подняла палец, словно учитель, требующий внимания класса, – слышите бой барабанных палочек?

– Хм... Что-то такое в самом деле гремит у меня в ушах, – улыбнулся Саблин.

– Правильно. Поскольку это очень торжественный момент: моя мама приглашает вас к себе на чай!

– Оу. В этом месте я должен встать, щелкнуть каблуками и почтительно склонить голову?

– Типа того, – рассмеялась Диана. – А я в данной ситуации лишь глашатай воли ее величества.

– Даже так? – хмыкнул Саблин.

– Более того, – смеялась Диана, – заодно я засланный казачок!

– Боюсь даже предположить, какую роль отвела этому казачку ваша маменька!

– Не поверите. Фейсконтроль!

– Мамма мия... – шутливо протянул Андрей. – И по каким признакам отбираете?

– Ну, не по степени же развитости мускулатуры, – усмехнулась Диана.

– Неужто по развитости интеллекта? – с шутливым изумлением воскликнул Андрей.

– Угадали, – кивнула Диана.

– А на лице это прямо так и отражается? – изобразил он простодушное удивление.

– Сделайте еще раз такое выражение, пожалуйста.

Саблин повторил «прощачка».

– Нет, по вашему не видно, – покачала головой Диана, с трудом сдерживая смехок. – Вам бы в кино деревенских парней играть.

И снова у Андрея возникло чувство легкой тревоги. Он никак не мог понять, откуда оно взялось. Будто ему дали подержать нечто невесомое и очень хрупкое – и он боялся это уронить... И возвращать не хотел. Очень странно, очень.

То есть ясно, конечно: это чувство связано с Дианой. Она ему понравилась, да. Но ничего такого... Он даже не испытывал обычного сексуального возбуждения, всегда сопутствовавшего знакомству с хорошенькой женщиной. Он не влюбился с первого взгляда (да и то, разве подобное возможно? У подростков если только), он не пытался представить ее без одежды. Конечно, он оценил фигуру – как иначе, он ведь мужчина. Диана выглядит как одна из тех античных статуй, где все соразмерно, где все не слишком узко, но и не слишком широко, округлости на месте, но не избыточны. Грудь хорошей формы, попа что надо – он все успел заметить и оценить. Однако оценивал Саблин скорее эстетически, чем сексуально. Он вовсе не запал на нее!

А вот ведь, не оставляло его это непривычное чувство тревоги...

Сама Диана оказалась под стать своей гармоничной внешности: в меру сдержанная, в меру раскованная, с мягким ненавязчивым юмором... Лицо ее было по большей части спокойным – никаких ужимок, никаких призывно полураскрытых губок, – но дивно озарялось, когда она улыбалась. Лет десять назад он, охотник за ярким и необычным, на нее и внимания бы не обратил. Но Андрей Саблин за свою тридцативосьмилетнюю жизнь перевидал столько всего «яркого», что у него уже челюсти сводило.

Как выяснилось к концу ленча, «фейсконтроль» он прошел. И прямо из ресторана они с Дианой отправились в гости к ее матери. Увидев Марину Анатольевну в прихожей, Андрей слегка обалдел, но замешательства своего не выдал и галантно поцеловал ей руку. О какой-нибудь другой женщине, которая носит в семьдесят три года драные черные джинсы и темно-желтую майку, полузаправленную, по моде, за пояс, а также унижает все без исключения пальцы затейливыми серебряными кольцами, он отозвался бы не слишком лестно, честное слово, типа «совсем ку-ку»; но Марина Анатольевна и впрямь была особенной. Этот стиль казался неотделимым от ее личности, от ее умного ироничного лица, хрипловатого прокуренного голоса и, как выяснилось несколько позже, едких шуточек на грани (а то и за гранью) приличий.

Она сообщила гостю, что идея с суккулентами была отличной, похвалила его вкус и пригласила за стол. А там круто взяла его на абордаж: выпросила и чем занимается, и сколько зарабатывает, да какая у него квартира-машина. Диана пыталась остановить мать – куда там!

– Раз он сюда пришел, значит, имеет к тебе интерес, – Марина Анатольевна говорила уверенно, даже категорично, с ноткой едва уловимого сарказма. – А то послал бы в далекое путешествие и тебя, и старую каргу твою мать. Ан нет, он на приглашение ответил, ко мне на чай притащился. Значит, интерес к тебе. Ты у меня деликатная и наивная, сама никогда не спросишь и не разберешься, что за мужик перед тобой, – оттого, между прочим, до сих пор семью сложить не можешь! Дважды разводилась, подумать только!

– А ты трижды, – заметила Диана.

– Не твое это дело, не дочернее. А я твоими отношениями с мужчинами интересуюсь, поскольку мать тебе. Вот мне и приходится задавать неудобные вопросы. Радуйся, что я этот труд на себя взяла, тебя от него избавила. Да на ус мотай информацию.

– Не обращайтесь на нее внимания! – усмехнулась Диана. – Мама моя большая шутница и провокаторша. Уверяю вас, она вовсе не думает того, что говорит.

– Да ладно тебе, Динка. Видишь, я выяснила, что ухажер твой мужчина не бедный.

– Он не ухажер, мама!

– Ну конечно, а то стал бы тебе помощь предлагать.

– Он не мне предложил, а Милочке! Вчера! Я ведь тебе рассказывала!

– Милочке? Я как-то упустила это из виду. Это что же, Андрей... Как вас по батюшке? Ага, Андрей Андреевич, малолетками интересуется?

– Мама!!!

Диана хорошо знала свою мать, ее деспотичный характер. Как все деспоты, Марина Анатольевна была подозрительна и приписывала людям дурные помыслы. К счастью, она была еще и умна, имела отличное чувство юмора, что изрядно облегчало участь тех, кто с ней общался. Диана же давно научилась воспринимать обидные слова матери отстраненно, будто неудачную шутку. Но сейчас, перед Андреем Саблиным, она испытывала неловкость за ее бесцеремонность.

– Что «мама»? – парировала Марина Анатольевна. – Твоя мать – научный работник. Аналитик. Анализирую информацию и делаю выводы. Раз Андрей Андреевич к Миле подъехал... Вы подъехали к нашей девочке, а? Признавайтесь!

– Подъехал, – согласился Саблин. – Услышал, как она с продавщицей советуется, мается в выборе цветов для украшения вашего, Марина Анатольевна, банкета, и пожалел ее.

– Это как понимать? Добрый вы такой? Или девочки вам...

– Мама, Мила давно не «малолетка»! Ей двадцать семь лет!

– Не перебивай меня, дочь. Так как, любезный?

– Отзывчивый я.

– Смотрите, голубчик. Я ведь у Милки спрошу, не предлагали ли вы ей свидания какого, у меня не застоится.

– Спросите, – кивнул Андрей. – Но я не предлагал. У меня к малолеткам стойкий иммунитет.

– Хм. Отчего же?

– Они ищут выгодного жениха. С их точки зрения, я весьма неплохой вариант. Но мне не хочется быть *вариантом*. Так что я давно ими не интересуюсь. Впрочем, справедливости ради замечу, что со своей стороны ваша Милочка никакого специфического интереса ко мне не проявила.

– Ну, тем лучше. Значит, вы переключились на мою дочь. И как она вам?

– Диана прекрасна, – честно ответил Саблин.

– А она постарше Милки будет. Не первой молодости барышня. И вы хотите сказать, что на ее деньги не позарились?

– Да Андрей вообще ничего не знает обо мне, мама! – не выдержала Диана. – Мы сегодня встретились впервые, у нас не было времени познакомиться толком! Все оформление твоего зала обсуждали!

– Ну не злись на меня, дочь. Я же шучу. Так вам и вправду неизвестно, что Динка моя – богатая невеста?

Андрей слегка смутился. Знать-то он, конечно, знал, – из Лизкиного досье, – но признаться в этом было бы совсем ни к чему.

– Простите, какой-то странный разговор, – произнес он строго. – Вы меня в чем-то подозреваете?

– Боже упаси. Но вы не думайте, что Динка моя из робкого десятка. Она дзюдо десять лет занималась! Если что, может...

– Мама, прекрати! – Диана вскочила. – Ну при чем тут дзюдо?! Все, Андрей, мы уходим. Мам, насчет суккулентов позвони мне. Мы заказали по одной композиции на каждый стол и десять для украшения стен. Подумай и реши, устраивает ли тебя такое количество. Завтра я куплю горшки-плоски для них, и послезавтра композиции будут готовы. Скажешь, когда можно будет зал оформлять.

Она ухватила Саблина за руку и буквально потащила его в прихожую.

– Дочь моя, ну что ты глупости говоришь! Какое «когда»?! – громко говорила из гостиной своим басовитым голосом Марина Анатольевна. – Это же не мой личный зал, девочка, там другие люди банкеты отмечают. А мной он арендован на воскресенье. Значит, и украшать будем в воскресенье!

– Прекрасно, – так же громко ответила Диана из прихожей. – Тогда увидимся в воскресенье. Я привезу суккуленты прямо в банкетный зал. О времени договоримся.

– Нет уж, я должна их увидеть до банкета. Привези, как только будут готовы. Фейсконтроль.

– Растений?

– Композиций. Заодно талантов вашего приятеля, который эти композиции делает.

– Ох, мама, все тебе надо держать под контролем!

– Доверяй, но проверяй. Нельзя позволять чужим людям, а тем более незнакомым, принимать за тебя решения!

– Разумеется, – кротко ответила Диана, надеясь завершить дискуссию.

– Тебе бы тоже не помешало научиться контролировать чужие инициативы...

– Хорошего вечера, мама! – перебила ее Диана. – Мы уходим.

– И тебе не хворать, дочка, – донесся ехидный голос Марины Анатольевны. – Вам тоже, юноша. Хотя моя дурно воспитанная дочь выдернула вас прямо из-за моего гостеприимного стола не попрощавшись.

– Не обращайтесь внимания, Андрей, – торопливо говорила Диана, натягивая сапожки, – мама моя личность весьма специфическая... но даже я не ожидала от нее сегодня таких эскападов.

– Не переживайте, все в порядке. Марина Анатольевна очаровательна, – улыбнулся Андрей и вернулся в гостиную. – Благодарю вас за прием, – произнес он и снова поцеловал руку Марине Анатольевне.

– Ишь ты, – хмыкнула неугомонная дама, которой больше пошло бы прозвище «старушка Шапокляк», – хочешь снискать мою благосклонность?

– А как же! – кивнул Андрей и вернулся в прихожую.

– Спасибо, – прошептала Диана и распахнула дверь.

Саблин почувствовал, как его странная тревога нарастает. Расстаться с ней он сейчас не мог, никак не мог – тревога могла перерасти в панику!

– Не хотите ли пойти поужинать? – спросил Андрей, когда они вышли на улицу.

– Мы с вами сегодня только и делаем, что едим вместе, – усмехнулась Диана. – То ленч, то чай. Теперь ужин?

– Вы против? – пристально посмотрел на нее Андрей, и у него возникло ощущение, что даже Диане заметно, как глаза его излучают тревогу.

Он отвернул голову.

– Давайте, – согласилась Диана. – А куда пойдём?

– Куда угодно.

Они вышли из подъезда. Вечер был холодным, немного подмораживало. Тонко и тревожно (в унисон со странным чувством Андрея) веяло приближающейся весной.

– Мама вам неправильно сказала: я не богатая невеста. Я трудяга...

Трудяга. Андрей Саблин это слово страшно не любил. Но, странным образом, оно совсем не покорило его сейчас. Из уст Дианы оно прозвучало как шутка. Может, потому, что в ней самой отсутствовала всякая суетность. Вот у Галины бизнес был суетным. Ярким, светским, тусовочным. А Диана... Она самодостаточна. Не нуждается в восхищенной толпе. О таких говорят: цельная личность.

Цельная личность, надо же. Он никого не смог бы припомнить из своего окружения, כמו подобное определение подошло бы.

– Я фармацевт, – продолжала Диана, – у меня собственное производство, и я люблю свою работу. Зарабатываю хорошо, это верно. Но главное, я много времени отдаю ей. Поэтому редко бываю в ресторанах. Бизнес-ленчи не в счет, на них я не замечаю, что ем, больше о делах говорю. Оттого и не знаю, куда мне угодно, – улыбнулась она. – Не идти же в тот, где мы были днем...

А у Андрея от этой улыбки осталось чувство медленно тающей в груди льдинки. Холодной и одновременно обжигающей, как глоток ледяной водки.

Ужин прошел... Нет, пролетел. Два часа, как две минуты. Андрей не помнил, о чем они говорили, что ели, – он только помнил лицо Дианы, смену его выражений, движения губ. И как светились ее глаза.

Он с сожалением расстался с Дианой у ограды ее дома. Она не пригласила Андрея к себе, и он был этому странным образом рад. Он сейчас не хотел физической близости, она бы только разрушила легкое, воздушное, как аромат, очарование. Которое он смаковал, пил маленькими глотками, наслаждаясь всеми рецепторами души...

Диана направилась от калитки в сторону подъезда. Андрей смотрел на нее сквозь решетку ограды и вдруг, неожиданно для себя, окликнул.

Диана обернулась.

– Я хотел сказать вам...

Она вернулась обратно к калитке. Приблизилась к Андрею.

– Я хотел сказать, Диана, что вы... Что я провел прекрасный вечер с вами.

– Вы мне тоже понравились, Андрей, – просто ответила она.

– И я бы с радостью...

– Я тоже, – усмехнулась она.

– ...Увиделись бы со мной снова?

– Ну да. Вы же это имели в виду? – Диана рассмеялась.

– Конечно.

Андрей протянул руку сквозь прутья решетки и потрогал мех ее полусубка.

– А вас Диана зовут или все-таки Дина?

– Мама назвала Дианой. Но когда сердится, зовет Динкой. – Улыбка ее была нежной и радостной, глаза светились.

Однако калитку она не открыла, а Андрей не попросил.

Она только положила свою руку в перчатке поверх его. Андрей взял ее ладонь и, протаскивая меж прутьев, поднес к своим губам.

Они так стояли некоторое время, глядя друг на друга сияющими глазами.

Потом Диана деликатно высвободила руку.

– Мне завтра рано вставать. Спокойной ночи, Андрей.

Она повернулась и пошла к своему подъезду, не оборачиваясь. А он смотрел ей вслед и думал: когда же они встретятся в следующий раз? Он не спросил, и она ничего не сказала...

Такого с ним давно не было. Или вообще никогда. Чувство медленно тающей в груди льдинки. Холодной и одновременно обжигающей, как глоток ледяной водки.

Домой не хотелось. И чтобы этот день заканчивался, не хотелось. Продлить его, отметить, отпраздновать.

Он позвонил Кольке.

– Не спишь?

– Когда это я ложился в детское время?

– Я подъеду?

– Что-то случилось?

– Ничего такого. Просто...

– Ага. Ну давай, подъезжай, раз «просто».

Слышно было, как Колька усмехнулся.

– Никак влюбился, наш солнечный мальчик, – произнес он, впуская Саблина в квартиру.

Коля иногда так называл его, по старой памяти. В детстве они жили в одном дворе и учились в одной школе, отчего у них имелось множество общих воспоминаний.

– Я? С чего ты взял?

– Да у тебя голос звенит. И морда сияет, как начищенный ботинок. Да и что еще могло тебя заставить так срочно примчаться ко мне?

– Мало ли... – неопределенно пожал плечами Саблин, несколько раздосадованный Колькиными догадками.

– Я и говорю: влюбился, – заржал друг. – Проходи. Тебе наливки или водки?

– Коньяку лучше. Если есть.

– Так твой и есть.

Саблин специально привозил к Кольке коньяк для себя, на случай дружеских посиделок, – тот его не любил и не покупал, предпочитал водку.

– Ну что, я прав? Колись!

– Да нет, – уклончиво ответил Андрей. Они сели за стол на кухне, чокнулись. – Тут что-то другое. Сам не пойму. Никогда такого не было. Почему-то тревожно, холод по загривку... Будто на краю трамплина. Вода внизу, далеко, а ты ни разу в жизни не прыгал.

– Это нормально. Красивая?

– Богиня.

– О! Это уже серьезно.

– Да ладно, у меня что, красивых женщин не было?

– Как не быть. Но ни одну ты «богиней» не называл. Должно быть, как-то особенно хороша... Я прав?

Саблин кивнул.

– Вот у тебя коленки и подгибаются. Ты элементарно дрейфишь. Не солнечный мальчик, а солнечный зайчик: мечется все внутри, скачет, сердчишко трепещет, – Колька веселился от души. – Вот это называется «не влюбился»!

Влюбился? Он ведь никогда не...

Хотя, не меняются только дураки. И правильно говорят в общем-то. Что же, выходит, он, Андрей Саблин, вдруг изменился? Раньше порхал по ярким цветам, как бабочек (это мужской вариант бабочки), – а тут вдруг ему понадобился один-единственный цветок? Может, это возраст? С годами, по слухам, люди делаются серьезнее...

Нет, чушь это все. То есть да, с годами умнеют, потому и меняются. Но сейчас с Андреем происходило что-то другое. Влечение к Диане, столь незнакомое и необычное, поднялось откуда-то со дна его души. Способность чувствовать так остро и в то же время сильно, наверняка уже присутствовала в нем, покоилась, как амфора, на морском дне, прихваченная зыбучим песком. Пока волна по имени Диана не раскачала ее, не подхватила и не вынесла на поверхность.

Ему понравилась эта метафора с амфорой. Он точно не знал, насколько она была верной, – зато была красивой.

Как Диана.

Вернувшись домой, он разделся и направился в ванную. Поднялся на три ступеньки из зеленого мрамора, сел на низкий широкий бортик и включил теплую воду. Затем сходил на кухню, наполнил бокал шампанским, принес его в ванную комнату и пристроил на бортике. Золотистый напиток, стиснутый узким стеклом, взвивался тонкими струйками пузырьков, – очень эффектно на зеленом фоне мрамора, между прочим. Диане понравится...

Смешно. О чем он думает? Только первая встреча...

Однако разговор с другом будто освободил Андрея. Тревога сменилась неизъяснимым чувством радости. Казалось, все в нем рвалось куда-то, вроде этих пузырьков, которые весело бороздили бокал, устремляясь вверх.

Андрей блаженно погрузился в теплую воду.

Среда

Едва открыв глаза на следующее утро, он сразу подумал о Диане. И снова радость поднялась в нем, сопровождаемая изумлением. Андрею страшно хотелось позвонить ей, чтобы договориться о новой встрече, – как вдруг она позвонила сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.